Стреломант

Автор:
Эл Лекс

Стреломант

Эл Лекс

Новая фантастика. Возвышение

Когда-то я был лучшим наемным убийцей своего мира. Мой лук не знал промахов, а стрелы купались в крови. Потом меня предали мои же собратья ради награды за голову.

Но умерло лишь тело. Боги дали мне вторую жизнь в новом мире и новом теле. Теперь я бастард уважаемого и известного рода, почти лишенный магии, которая и определяет, кто ты в этом мире. И будто этого было мало, меня еще и собственный отец хочет убить!

Эл Лекс

Стреломант

Серия «Новая фантастика. Возвышение»

© Эл Лекс, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Богиня

– Ну здравствуй, Лире. Вот мы наконец и встретились. Я заждалась.

Я никогда не слышал этого голоса – тихого, вкрадчивого, пробирающего до костей и согревающего, как свет яркого солнца. Я никогда не встречал эту женщину – высокую, статную, с идеальной фигурой и черными, как сама ночь, волосами до пояса. Я никогда не видел этой полумаски, сделанной из человеческого черепа, прикрывающей верхнюю часть лица и открывающей лишь мягкий нежный подбородок и бледные, без единой кровинки, губы.

Но я все равно знал, кто передо мной. Здесь просто не могло быть нескольких вариантов. Тому, кого только что ударили острым граненым стилетом прямо в сердце, предстоит только одна встреча. Встреча с той, чья величественная статуя стоит в каждом храме богини смерти Трин.

– Моя богиня. – Я поклонился так почтительно, как только мог. Не потому, что я лебезил перед небожительницей, не потому, что боялся ее, вовсе нет. Потому что она действительно моя богиня. Та, с чьего благословения я отправлял во тьму всех своих жертв. Та, с чьим именем на устах я отпускал тетиву лука, не знавшего промахов. Та, само существование которой позволяло мне быть тем, кем я был. И не становиться при этом тем, кем я становиться не желал.

Богиня Трин стояла передо мной, возвышаясь на добрые две головы, хотя мы были одинакового роста. За ее спиной полыхало призрачное белое пламя – видимо, то самое, в которое богиня, по преданию, отправляет принятые души. То ли на перерождение, то ли наоборот – в вечное забвение, теологи так и не пришли к единому мнению.

– Лире Вайдел, – медленно произнесла Трин с легкой улыбкой на устах. – Лире Стрела. Лире Тихая Смерть. Лире Лучник. Как много имен тебе придумали в

мире.

– Это далеко не все, – улыбнулся я. – Но ни одно из них мне не нравится.

– О, мне ли не знать, Лире. Но все это уже неважно. Имена – это то, чем человек пользуется при жизни. А твоя жизнь, как ты уже понял, закончилась. Довольно бездарно закончилась, не находишь?

Я скрипнул зубами от ярости, но сдержал ее внутри себя и ничего не сказал.

Моя жизнь не закончилась – ее закончили! Пятерка шакалов, которых я считал своими коллегами по гильдии убийц, – вот кто виноват во всем! Общая сумма награды за мою голову наконец-то превысила тот порог, который они готовы были переступить, превысила чувство страха и инстинкт самосохранения, и поэтому по возвращении с очередного задания меня ждали не честно заработанные деньги, а полметра острой стали в грудь!

Хорошо, что я успел все же двоих прихватить с собой. Жаль, что не всех. Моя богиня была бы еще более довольна.

– Лире, Лире. – Трин с печальной улыбкой покачала головой. – Некоторых горбатых даже могила не в силах исправить. Даже в своей собственной смерти ты думаешь лишь о тех, кому принес смерть сам.

– Все ради тебя, моя богиня, – снова слегка склонил голову я. – Все ради тебя.

– Ладно, Лире, я не буду долго тянуть интригу и признаюсь, что благодарна тебе за все те годы, что ты… работал на мое благо. Пусть и не в общепринятом смысле, но ты был очень известным и влиятельным человеком при жизни… Намного известнее и влиятельнее, чем ты даже сам о себе думал. Поэтому у меня есть к тебе предложение.

– Да, моя богиня?..

Даже думать о том, что она предложит мне вернуться в мой мир, чтобы продолжить нести ее слово и дело, – страшно. Это настоящее святотатство, и если бы Сыновья прознали о моих крамольных мыслях, то закончил бы я свои

дни в яме с червями.

Но вдруг?.. Не просто же так она завела этот разговор? Предложение от богини – это само по себе что-то невероятное, а уж от богини смерти…

– Лире, ты приносил мне жертв больше, чем кто-либо другой в твоем мире. Разумеется, я не говорю о войнах и массовых казнях. Некоторые из них, кстати, тоже твоих рук дело, пусть и косвенно… Нет, я говорю о личном причинении смерти человеку. Скажи мне, ты не устал от этого? Ты не устал нести смерть? Ведь именно это и привело тебя ко мне. Слишком рано привело…

Я сжал зубы, чтобы многочисленные вопросы не посыпались из меня, как зерно из дырявого мешка. Ведь богиня практически прямым текстом заявила о том, что хочет вернуть меня к жизни!

– Разумеется, вернуть тебя к жизни я не могу, – улыбнулась Трин, одной лишь этой улыбкой снося призрачный замок моей радости. – Или, вернее, не могу в том мире, в котором ты жил. В том теле, в котором ты жил.

– Я не понимаю, богиня… – Я развел руками. – Мне бы как-то попроще…

– Разумеется, не понимаешь – ты же убийца, а не богослов. И именно это привело тебя сюда, ко мне и к тому предложению, что я собираюсь тебе сделать. Если ты согласен, я отправлю тебя… Скажем так: туда, где все, что ты знал до этого, перестанет быть важным. Ты будешь снова как младенец, который совершенно ничего не знает об окружающем мире. О совершенно новом мире, в котором не будет ничего знакомого тебе. У тебя будет новое тело, у тебя будет новое окружение, но самое главное – у тебя будет новая жизнь. Совсем другая новая жизнь.

– Какая, богиня?

– Такая, какую ты построишь сам.

– Мне незачем менять мою жизнь. – Я покачал головой. – Если выпадет шанс повторить – я повторю.

– Не выпадет, Лире, – снова чуть улыбнулась Трин. – Ты сам это поймешь. Другая жизнь – это другие правила. Другие правила – это другой ты. Мое предложение отнюдь не просьба продолжить службу мне, это благодарность за годы службы, что уже минули. Разумеется, ты волен отказаться и шагнуть в пламя, но… Станешь ли ты это делать? Лире, которого знала я, никогда не сдавался без боя. Даже будучи уже мертвым.

Новая жизнь в новом теле. Новое тело в новом мире. Да, новый мир – это уже что-то… новое. Но кто сказал, что этого не может быть? Боги всемогущи – почему бы им не владеть несколькими мирами? Зачем им ограничивать себя всего одним?

– Я свободен в выборе пути? – уточнил я.

– Полностью, – кивнула Трин. – Считай, что я просто дарю тебе новую жизнь.

– И в каком же мире я окажусь?

– Прости, Лире, но это уже я тебе сказать не могу. – Трин повела плечами. – Даже если бы могла – не сказала бы, а я ведь не могу. Я еще сама не знаю, кто и в каком мире умрет сознанием, но останется жить телом в тот момент, когда ты примешь мое предложение, а значит, не могу сказать, в каком мире ты окажешься. Я даже не могу сказать тебе, когда именно это произойдет, но когда бы ни произошло, твоя душа до этого момента будет надежно сохранена. И я просто перенесу ее в тело того, кто лишится собственной души, оставив после себя пустую смертную оболочку

– Ты уже уверена, что я соглашусь… – усмехнулся я.

– Конечно же уверена. Лире, которого я знаю, обязательно согласится. А если ты какой-то другой Лире, то тебе в любом случае дорога в пламя. Так что мы оба знаем, что ты согласен.

Богиня смерти сделала два шага и оказалась со мной почти вплотную. Так близко, что ее полумаска-череп практически касалась моего лица.

– Весь этот разговор был совсем не нужным, я могла просто отправить тебя, – прошептала богиня, приближая свои губы к моим. – Но мне хотелось все-таки с тобой поговорить. Просто поговорить.

Бескровные губы обожгли ледяным холодом, который принялся растекаться по всему моему лицу, – я, не в силах прервать поцелуй, да и не желая этого делать, закрыл глаза и провалился во тьму…

Когда я открыл глаза, тьмы вокруг не было. Не было богини, не было пламени, сжигающего души мертвых. Была просторная комната, залитая светом из большого окна, прикрытого полупрозрачными занавесками. Стены были покрашены в мягкий бежевый цвет, а пол выложен блестящей белой квадратной плиткой.

Я лежал на кровати, сделанной из гнутых труб, покрашенных в белый цвет. Кое-где краска стерлась, и в таких местах было видно, что трубы сделаны из металла. Слева от меня стоял маленький столик, на котором расположилась бутыль с… наверное, водой, если судить по ее прозрачности. Справа – металлическая тренога, к верхушке которой был подвешен тоже прозрачный плоский пакет с жидкостью внутри. От пакета тянулась длинная тонкая трубка, которая скрывалась под простыней, что накрывала меня. И вот уж в пакете вряд ли была вода.

Я попытался поднять руку, к которой тянулась трубка, – рука почти не слушалась. Ощущение, будто лежал на ней несколько часов, передавливая кровоток, и теперь она отнялась. С другой рукой дела обстояли чуть получше – я смог приподнять ее и худо-бедно двигать.

Ладно, эти ощущения на самом деле знакомы – не раз испытывал подобное, когда подолгу лежал в засадах в неудобных позах, поджидая цель. И я знаю, как с этим справляться.

Я принялся постепенно разминать мышцы, сначала сгибая и разгибая пальцы, потом, когда они начали слушаться, двигая кистями, и так постепенно переходя все выше и выше. Дойдя до локтей, я понял, что с ногами та же беда, и принялся приводить в порядок и их, проклиная предыдущего владельца тела, который умудрился запустить его до такого состояния, и заодно – богиню.

Ну богиня, ну удружила, заселила меня в тело какого-то инвалида… Вот уж действительно новая жизнь! Беспомощный как новорожденный младенец! Спасибо, моя богиня!

«Не за что! Я же говорила, что не знаю, какое тело тебе достанется!»

Голос в голове прозвучал так неожиданно, что я даже прервал свои упражнения по возвращению чувствительности.

Наверное, тело, в которое меня поселила богиня, принадлежало душевнобольному. Как иначе объяснить то, что в голове у меня чужой голос?

«Не прибедняйся, ты все уже понял! Ты же не думал, что я оставлю своего любимого человека без помощи?»

Так, значит, мне все же не показалось. Это действительно голос богини Трин, и она действительно поселилась у меня в голове. Только вот зачем? Чтобы снова давать мне задания и принимать смертельные подношения?

«О нет, мой дорогой, тут ты ошибаешься. Ошибаешься во всем, начиная от моего имени. В этом мире я известна как Анда – богиня времени. Забавно, не находишь? Ведь ничего, кроме времени, не приносит смерть в ста процентах случаев».

Нет, богиня, не забавно. Это логично и правдиво.

«Ты скучный! Лучше бы радовался новой жизни!»

Зато ты чересчур веселая для богини сме… Хм, да, ты же больше не богиня смерти.

«Умница, Лире, умница! Кстати, и ты больше не Лире, если уж на то пошло. Твое тело раньше принадлежало Сержу Колесникову, так что привыкай заранее к новому имени. Теперь все будут обращаться к тебе только так».

Меня и старое устраивает.

«Прости, но под старым именем тебя никто здесь не знает. Так что тебя просто не поймут. А тех, кого никто не понимает, в этом мире принято сажать в больницу для душевнобольных. Думаю, ты не хочешь там оказаться».

Никто не хочет там оказаться. Я понял тебя, богиня. Серж так Серж. Я привыкну. Я в свое время успел привыкнуть к паре десятков фальшивых имен и отвыкнуть от них – тоже.

За всеми этими разговорами с богиней или той, кто ею притворяется…

«Эй, я слышу не просто всё, а всё-всё!..»

Ладно, понял, принял, взял на заметку. Значит, за всеми этими разговорами с богиней я не переставал разминать конечности, и наконец они отозвались полной готовностью, как в старые добрые времена. Тонус мышц, крепость костей, текущая по сосудам кровь – я ощущал свое тело обновленным и помолодевшим. Очень сильно помолодевшим.

«Так оно и есть. В этом мире тебе всего восемнадцать лет против твоих личных сорока трех».

Надо же, четверть века минус… А я ведь уже и не помню, каким я был в свои восемнадцать лет!

«В свои восемнадцать лет ты был грязным оборванцем, который готов был вскрыть глотку любому за пару медяков».

Да, действительно. А кто я здесь?

«Не торопи события. Всему свое время. Ты опять пытаешься жить по-старому, сразу оценить всю ситуацию и выстроить дальнейший план действий. Будь проще, Ли… Серж. Просто живи. Познакомься с этим миром заново, открой его для себя. Начиная с себя самого».

Жить для себя самого… Что ж, это звучит довольно неплохо.

А познакомиться с самим собой – еще и логично.

Я поднял наконец начавшие слушаться руки и осмотрел их. Руки молодые и мускулистые – предыдущий хозяин моего тела явно не гнушался физической работы. На внутренней стороне левого предплечья, прямо вдоль вен, бугрился длинный узкий шрам, подозрительно напоминающий по форме стрелу с узким оперением и острым наконечником. Он тянулся от запястья почти до локтя – как вообще можно получить такую жуткую рану?

В правую руку была воткнута игла с прозрачной трубкой, что я видел ранее. Отклеив липкую ленту, я выдернул иглу из руки и отбросил ее прочь – не знаю, что там они вливали в мое тело, но я достаточно хорошо себя чувствую и без этого.

Едва я это сделал, как откуда-то издалека раздался приглушенный писк, и за стеной тут же заговорили два взволнованных голоса. Раздался грохот отодвигаемых по плитке стульев, одинаковый во всех мирах, и буквально через несколько секунд дверь в стене напротив меня открылась.

В дверях стояли двое. Высокий взрослый мужчина в голубой шапочке, голубой рубашке и голубых штанах и девчонка лет семнадцативосемнадцати.

Моего возраста, так сказать.

Девчонка была одета в короткую клетчатую юбку длиной выше колен и белую рубашку с коротким рукавом, поверх которой лежал маленький красный галстучек. Волосы ее были собраны в высокий хвост на затылке, в ушах покачивались два маленьких колечка сережек, а голубые глаза в обрамлении черных, как крыло моего ручного ворона, ресниц смотрели одновременно и с восхищением, и со страхом.

– Очнулся! – тонко, почти на грани визга закричала девчонка и кинулась ко мне, но мужчина ее остановил:

– Юлия, не так быстро. Возможно, он еще слишком слаб.

– Нет-нет, я вовсе не слаб, – поспешно ответил я, садясь на своей кровати. – Я в порядке.

– Отлично! – ликовала Юлия. – Просто отлично, а то твоя мама боялась, что… что… она…

Радость на лице девчонки таяла прямо на глазах, будто ее стирали с грифельной доски мокрой губкой. С каждым новым словом она говорила все невнятнее и невнятнее, а уголки ее губ опускались вместе со взглядом.

– Что моя мама? – не понял я.

Еще я не понял того, что у меня есть мама. Моя настоящая мама… Я ее даже не знал.

«Это было там. Здесь у тебя есть мама. Ну, как сказать “есть”…»

– Твоя мама, она… ну… – Юлия шмыгнула носом.

– Серж, ваша мама умирает, – твердым голосом за девчонку сказал мужчина. – Она боялась, что это произойдет раньше, чем вы придете в себя после процедуры инициации, и слава стенам, что этого не произошло. Я провожу вас к ней, если вы действительно хорошо себя чувствуете.

– Да, пожалуй, – кивнул я, взвесив все за и против и придя к выводу, что настоящий Серж поступил бы именно так. – Только мне бы одеться.

Пока Юлия ждала за дверью, я надел то, что принес мне мужчина: белую рубашку с коротким рукавом из неизвестного, но приятного на ощупь прохладного материала, неприлично широкие штаны, чуть ли не хлопающие по воздуху при каждом шаге, и странные, очень низкие матерчатые ботинки на тянущейся шнуровке. Кое-как справившись со всей этой одеждой, я вышел за дверь, и мужчина повел нас за собой.

Шли мы минуты две, успев за это время подняться на два этажа по лестнице из пятнистого камня. Лестница была не привычная мне спиральная, скорее она походила на низинский тип – прямые пролеты, ведущие навстречу друг другу. По пути мы миновали несколько дверей из удивительного материала, который я не удержался и украдкой пощупал, – это было что-то скользкое, не очень холодное и не очень твердое, ни на что не похожее по ощущениям.

– Ты чего? – обернулась Юлия, идущая вместе с нами.

– Показалось, что жучок сидит, – моментально нашелся я.

– На пластике? – улыбнулась Юлия. – Что ему делать на пластике? Что ему вообще делать в больнице? Тут же почти стерильно!

– Да, действительно, – согласился я, не поняв ни единого слова.

«Пластик – это материал здешнего мира. Здесь технология ушла намного дальше, чем ты привык, да и магия, к слову, тоже. Тебе предстоит очень много чего узнать об этом мире, но в этом я тебе помогу. Негоже оставлять тебя совсем без знаний, на уровне грудничка».

Ты сказала – магия?

«Да, но про магию разговор будет отдельно. Сейчас – вы уже пришли».

И правда, мужчина остановился возле еще одной двери, сделанной из платика…

«Пластика».

Пластика, да. В этой двери не было стекла, как в предыдущих, и над ней висела табличка с непонятными словами: «Палата интенсивной терапии». Мужчина открыл дверь и качнул головой, приглашая меня внутрь.

Первым, что я услышал, когда перешагнул порог, был писк. Медленный, размеренный, примерно раз в секунду, противный писк. Только потом, завернув за угол, я увидел, что его издавало.

Это было гигантское нагромождение железа, стекла и пластика. Где-то в его центре практически терялась точно такая же кровать, на какой я пришел в себя, и женщина, лежащая на ней. Окружающая ее мешанина различных материалов, трубок, прозрачных колб, внутри которых двигалось что-то похожее на кузнечные меха, гудела на все лады, пищала и издавала еще какие-то совсем уж непонятные звуки.

«Это называется “аппарат искусственного поддержания жизни”. Машина, которая берет на себя работу внутренних органов, которые уже не способны работать самостоятельно. По сути – машина, оттягивающая смерть тех, кто уже все равно что мертв».

Женщина на койке и вправду выглядела как находящаяся на пороге смерти. Сейчас даже трудно было определить, как она выглядела раньше. Сейчас она была похожа на обтянутый кожей скелет с частично выпавшими целыми клоками волосами. Губы и нос ввалились, и только яркие зеленые глаза светились неугасшим умом.

– Серж! – прошептала женщина, увидев меня. – Сынок, ты жив! Поверить не могу!

– А что со мной могло случиться? – улыбнулся я, подходя ближе. – Конечно же я жив.

– Слава стенам, – вздохнула мама, прикрыв на секунду глаза. – Тогда тебе надо немедленно бежать отсюда!

– Чего? – не понял я.

Мама открыла глаза и подалась вперед, насколько позволяли опутывающие ее тело трубки.

– Тебе надо немедленно бежать отсюда, Серж! После инициации твой отец теперь знает о твоем существовании, и скоро здесь будут его прихвостни!

– А я здесь при чем?!

– Как при чем?! Ты – его бастард, позор рода Ратко и Себастьяна в частности! Он не позволит тебе жить! Он сделает все, чтобы убить тебя!

Богиня, а богиня… Это что, шутка такая? Ты вроде что-то про спокойную жизнь говорила!

«Хм… Да, неловко как-то получилось…»

Глава 2

Новый мир

Ну и что это все значит, богиня?

«Честно говоря, Лире, не знаю, как тебе и ответить. Я же говорила, что не могу заранее знать, чье сознание покинет тело в тот момент, когда я займусь тобой, твоим сознанием… В смысле, чье тело мне подвернется. И получилось то, что получилось».

А что получилось-то? И называй меня уже Серж, если уж на то пошло. Пора привыкать к новому имени, старым меня уже точно никто называть не будет.

«Хорошо, Серж. Так вот, прежний Серж сам был не в курсе того, что сейчас тебе собирается рассказать мама. Отца своего он не знал, всю жизнь прожил с мамой и воспитывался ею. Если уж на то пошло, то воспитывался он так себе… Рядом с тобой этот инфантильный слабак потерялся бы, как паук на фоне грифона. Он даже на ритуал инициации отправился только потому, что его попросила умирающая мама, сам он боялся его как Белого Пламени. Ну, того самого, которое ты видел за моей спиной».

А что такого страшного в этом ритуале?

«Ритуал инициации – это попытка разглядеть в человеке, переступившем порог совершеннолетия, магический дар. Если разглядят – пробудить его. И это самое пробуждение выдерживают не все».

Умирают?

«Умирает мало кто. Один из двадцати примерно. Еще семь из двадцати… меняются. Сильно меняются. Перестают быть людьми, если уж на то пошло. Превращаются в нечто среднее между овощем и земноводным. В общем, опасное это занятие, потому что ритуалу подвергаются только те, в ком магическая

искра находится под вопросом, – как у тебя. Но такое происходит редко, очень редко, поэтому и сам по себе ритуал инициации – целое событие. А сейчас рекомендую тебе послушать, что же тебе скажет мама».

Ты ленишься, богиня?

«Скорее приучаю тебя к самостоятельности. Или ты всерьез думаешь, что я буду сидеть в твоей голове веки вечные?»

Я мысленно вздохнул и обратился к матери:

– Что ты имеешь в виду, мама?

– Именно то, что сказала, – ответила мама, все еще пребывая в паническом состоянии. – Твой отец – Себастьян Ратко, старший наследник дома Ратко!

Богиня, ты действительно думаешь, что ее лепет мне хоть как-то понятен?

«Дом Ратко – один из многочисленных кланов, на которые делится здешнее общество. Обычные люди, без способностей к магии, или, как ее здесь называют, к реадизу, остаются обычными людьми, а магия, вернее, реадиз, культивируется в рядах кланов. Каждый клан ведет собственную ветвь реадиза, помимо общего, так сказать, базового, и между собой они находятся в состоянии воинственного перемирия, назовем это так».

– Я тебе этого никогда не рассказывала, потому что боялась, что ты захочешь разыскать отца… – Мама тяжело дышала, ее глаза блестели. – А этого ни в коем случае нельзя было допустить! Как только он узнал бы о твоем существовании, он бы сразу попытался тебя убить! Одно то, что ты живешь на этом свете, уже кидает тень на весь дом Ратко, который плодит ублюдков! Это очень сильный удар по их репутации!

– Мама, я не понимаю. – Я развел руками.

– Восемнадцать лет назад Себастьян Ратко проездом был в нашей области. Я тогда работала горничной в гостинице, в которой он остановился, и, когда я убирала его номер, он… Я…

Мама опустила взгляд и принялась бегать им по своей койке, будто ища, куда бы его спрятать. Все ясно – не было никакого изнасилования, не было никакого принуждения, все произошло по обоюдному согласию. Не удивлюсь даже, если у нее был конкретный план на наследника какого-то там клана – возможно, вплоть до шантажа.

Но восемнадцатилетний Серж, конечно, не может мыслить такими категориями, поэтому я поторопил маму с рассказом:

– А что потом?

– А потом он уехал! – с облегчением продолжила мама. – А я… Я родила тебя. И растила без отца, вынужденная лгать тебе, что он погиб.

– Но теперь умираешь ты… – не то чтобы спросил, а скорее утвердительно произнес я.

– Да, Серж… – вздохнула мама. – И только это единственное заставило меня попросить тебя отправиться на ритуал инициации. Ведь когда меня не станет, я уже не смогу тебя защитить, и ты все равно бы погиб от рук Ратко рано или поздно… Но теперь, когда оказалось, что у тебя есть реадиз, ты сможешь защитить себя сам!

– От большой шишки из дома Ратко? – усмехнулся я.

– Если ты доберешься до Верхнего Довгорода, то – да! – с жаром ответила мама. – Именно там располагается ближайший филиал академии реадиза, и, если ты до него доберешься и пройдешь вступительные экзамены раньше, чем отец до тебя доберется, ты будешь в безопасности! Он не рискнет нападать на студента академии, по сути, уже настоящего реадизайнера! Это прямое нарушение всех возможных законов, а также однозначный арбитраж! Он не пойдет на такое, это самоубийство!

Что за академия, богиня?

«Академия, в которой молодые таланты учатся управлять своим реадизом. Вернее, их учат тем самым базовым механикам реадиза, а собственные

способности, обусловленные принадлежностью к клану, студенты развивают сами. В этом отношении академия играет лишь роль прочных стен, которые не позволят силам студентов принести слишком много разрушений».

А зачем все это обучение?

«Не поняла вопроса. Чтобы научиться владеть своими способностями, очевидно».

Нет, а… Зачем мне уметь владеть своими способностями?

«Лире, ты продолжаешь цепляться за старый мир. Там магия была уделом одного человека из десяти тысяч, и на магов смотрели как на прокаженных, старались не приближаться близко и во всех бедах винили именно их. На них охотились, их подвергали гонениям и пыткам. Здесь совсем другая ситуация: реадиз считается даром, его носители радуются, если узнают о склонности к реадизу. Каждый реадизайнер после подтверждения способностей к реадизу автоматически становится военнообязанным и должен пройти обучение. В случае активных боевых действий реадизайнеры призываются тоже, только не рядовыми бойцами, а либо из них формируются специальные отряды, либо они становятся командирами других отрядов».

И с кем мы воюем?

«С даргами. Это существа, которые населяют пустоши между городами. Напоминают людей, которые очень давно и очень мерзко болеют. Дарги пришли в этот мир примерно семьсот лет назад, никто так и не узнал, откуда, как и зачем. Но именно с их приходом и появился реадиз, и именно от первых нескольких человек, которые тогда получили склонность к дару, и берут свое начало все сегодняшние кланы. Реадиз с тех пор немало изменился, разветвился, принимая новые формы и обличия, обрастая новыми линиями, но в сути своей остался все той же магией».

Я снова поднял взгляд на маму.

– Хорошо, мама, если на то твоя воля, то я так и сделаю, – ответил я так, как ответил бы настоящий Серж на моем месте.

По крайней мере, я полагаю, что он бы ответил именно так, – как никогда бы не ответил я сам, привыкший жить без родителей и во всем полагающийся лишь на себя и свое собственное мнение. Но свое мнение я буду выражать чуть позже, когда окажусь предоставлен сам себе. А до этого момента следует продолжать играть роль послушного сына, чтобы не вызвать подозрений.

– Сынок!.. – губы мамы задрожали, глаза увлажнились. – Как жаль, что я не могу отправиться с тобой! Если меня отключат от этого аппарата хотя бы на пятнадцать минут, я умру… Но и с ним я протяну не больше недели… И, надеюсь, дотяну до того момента, когда сюда заявится Себастьян и я смогу рассмеяться ему прямо в его глупое лицо!

Мама мелко и кровожадно, с ноткой безумия в голосе, рассмеялась.

Богиня, а этот Себастьян… Он вообще как узнает, что я здесь?

«Реадизайнеры одного клана имеют общую нить реадиза. Как в паутине. Тронешь ее – и паук будет знать».

Чего? Что он будет знать? Какой паук?

«Ладно, плохое сравнение. В общем, мощный реадизайнер чувствует сильные всплески своей линии реадиза, где бы они ни произошли. Ритуал инициации – это почти что самый сильный всплеск силы реадизайнера за всю его жизнь, потому что в тебе пассивная пра… Впрочем, неважно. Важно то, что, когда это случилось, Себастьян узнал, где и от кого он произошел».

Значит, он и в будущем сможет меня так вычислять?

«Не сможет. Если только не окажется от тебя на расстоянии… где-то метров тридцать. Твой реадиз очень слаб, ведь в тебе лишь половина крови рода Ратко. На самом деле вероятность того, что в тебе вообще оказался дар, была настолько мала, что ты даже чисел таких не знаешь. Можно сказать, ты вытянул короткий прутик из целого веника».

– Да, мама, я отправлюсь в… Верхний Довгород, – повторил я еще раз, успокаивая разбушевавшуюся мамашу. – Как ты пожелаешь.

– Сынок… – всхлипнула мама. – Не надо делать так, как я пожелаю!.. Ты уже взрослый, ты можешь сам принимать решения… Делай то, что захочешь ты сам! Живи так, как хочешь ты! Главное – выживи! Утри нос этому надутому индюку Себастьяну Ратко! Достигни успеха и встань с ним на один уровень!

Вот же женщина… Сначала говорит, чтобы я жил своей жизнью и своей головой, а потом сама же выдает чуть ли не поэтапный план действий.

«На самом деле она желает добра».

Все матери желают добра. Наверное. Я сам не в курсе.

– В нашей квартире, в углу, за посудным шкафом, есть сейф. Код от сейфа – возраст нашего первого кота, Тишки… Помнишь его?

Я на всякий случай кивнул.

– Наберешь его в месяцах – и дверь откроется. Там деньги… Все, что я скопила за всю жизнь. На твою жизнь. На обучение, на жилье, на все, что тебе понадобится, чтобы избежать гнева твоего отца. Так что бери… – мама тихо выдохнула и закрыла глаза. – Бери и… выживи. Хотя бы… просто… выживи.

Паузы между последними словами были такие, что я успел бы по две стрелы выпустить. Договорив последнее слово, мама внезапно потеряла сознание, судя по тому, как поникла ее голова и закрылись глаза. Непонятные приборы вокруг принялись назойливо и громко пищать.

– Так, все, посещение окончено! – тут же раскомандовался появившийся из ниоткуда за моей спиной давешний мужик в голубом халате.

«Это доктор Павлов, Серж. Доктор, который помогает твоей маме. И он же приглядывал за тобой, когда тебя привезли в коме после ритуала».

Что такое кома?

«Это… Долго объяснять. В общем, слушайся доктора. Доктор плохого не скажет».

– Хорошо, доктор… – Я кивнул и вышел из комнаты.

Юлия ждала меня снаружи – она сидела на скамейке и болтала ногами. Руки девчушки были заняты каким-то черным матовым прямоугольником, который издавал разные звуки. Юлия так и тыкала в него пальчиками, высунув от усердия язык и не отрывая взгляда от игрушки.

Меня она, однако, заметила почти сразу.

– О, ты уже все? – Она легко спрыгнула со скамейки. – Как мама?

– Нормально, – коротко ответил я, оглядывая собеседницу.

Богиня, кто это?

«Юлия Чернова, твоя подруга с детства. Ваши матери очень дружны, вы фактически росли вместе. Закончили одну начальную школу, в одном и том же классе. Она – с отличием, ты – так себе. В любовных связях замечены не были».

Я мысленно усмехнулся – последняя фраза была явно сказана не для Сержа, а для меня, Лирса. Старого прожженного ловеласа, который за ночь мог сменить несколько коек и еще больше женщин в этих койках. Богиня вроде как пальчиком погрозила – не трогай, мол, девочку.

Ну хорошо, не буду. Да и юна чересчур она для меня.

«Вообще-то вы одногодки!»

– Я уезжаю в Верхний Довгород, – сразу огорошил я подругу, ничего не отвечая богине. – Буду поступать в академию реадиза.

– Ух ты, правда? – глаза Юли расширились от удивления. – Это же замечательно! Значит, мы снова будем вместе!

– В каком смысле? – не понял я двусмысленной фразы.

– Я тоже туда еду! – Юля радостно тряхнула головой. – Тоже буду поступать, только в обычный универ, мне-то никто реадиза не отсыпал. Значит, поедем вместе! Когда поедем? Мне столько всего нужно собрать!

– Завтра, – тяжело уронил я, обрывая ее поток мыслей.

– А?.. – она округлила рот под стать глазам. – Уже завтра? А почему так… скоро?

Ну и что вот она хочет услышать? Не отвечать же ей, что у меня каждый день на счету, потому что меня хочет убить отец, который восемнадцать лет обо мне знать не знал! Еще чего доброго, у этой милашки случится передозировка эмоций, и она умом тронется!

«Ответь, что хочешь попасть в первую волну поступающих, чтобы, если вдруг окажется, что чего-то не хватает, успеть это исправить».

Так я и ответил. Юля понимающе покивала:

– Ну да, действительно. Кто их там знает в этих академиях, что у них там вообще нужно? У реадизайнеров не спросишь – они с нами, простыми людьми, вообще знаться не хотят!

Она внезапно ойкнула и прикрыла рот ладошкой:

– Ой… А ты ведь тоже теперь реадизайнер! А ты… Ты же не перестанешь со мной общаться, а? Не перестанешь же?

Ее голос из радостного резко стал жалобным и молящим. Уголки губ опустились вниз, зрачки в глазах обиженно задрожали.

– Не перестану, – успокоил ее я. – Конечно, не перестану. Как ты могла такое подумать?

– Я и не думала, – серьезно ответила Юля. – Я боялась.

– Не бойся. – Я как-то на автомате протянул руку и взъерошил ее волосы. – Все будет хорошо.

Юля зажмурилась и боднула мою руку своей головой.

– Тогда идем скорее собираться! Мне столько всего нужно собрать! А еще же надо билеты купить! А еще – предупредить тетю, что мы приедем! А еще…

Не слушая ее треп, я осмотрел коридор и наткнулся на зеленую табличку в виде стрелочки с надписью «Выход». Взял не перестающую тараторить Юлю за руку и буквально потащил за собой, ориентируясь по этим стрелкам. Нашел лестницу, по которой мы поднимались, спустился на первый этаж, нашел еще пару стрелок и, наконец, оказался у выхода из больницы. Толкнул массивную деревянную, хоть и немного облезлую дверь и очутился на улице.

Пока я был внутри больницы, мне почему-то даже в голову не пришло хотя бы раз выглянуть в окно – посмотреть, как оно там, на улице. А на улице было хорошо. То ли поздняя весна, то ли раннее лето – в общем, время года, когда солнце уже согревает ощутимым теплом, но прохладный ветерок уравновешивает его. В воздухе пахло распускающейся свежей зеленью, на чистом голубом небе, свободном от облаков, высоко в зените сияло солнце. Время – полдень, максимум плюс полчаса.

«Почти правильно. Без пятнадцати час на данный момент. Ты не растерял навыков».

Больница стояла в центре крошечного то ли парка, то ли скверика, усаженного чахлыми, куцыми деревцами и кусками растущей то тут, то там травой. Прямо от главного входа через скверик тянулась асфальтовая дорожка, под прямым углом соединяющаяся с пешеходным тротуаром. А уже за тротуаром тянулась дорога. И ездили по этой дороге не запряженные грифонами, бизонами или лошадьми телеги, а какие-то обтекаемые, почти бесшумные механизмы.

«Это автомобили, Серж, или проще – машины. На них тут все передвигаются».

Все? И я? И в Довгород поедем на машине?

«Нет, машины достаточно дорогое удовольствие. У тебя нет машины. Вы поедете на поезде».

Что такое поезд, я знал. У нас тоже были поезда. Большие, фыркающие, пышущие паром и пронзительно свистящие при прибытии на станцию.

«Ну, в общем-то, то же самое».

По другой стороне улицы тянулись высокие каменные дома.

«Бетонные. Это другой материал, не вздумай назвать их каменными, опростоволосишься».

Бетонные так бетонные. Они тянулись ввысь на много этажей – у меня аж голова закружилась, когда я задрал ее, чтобы их сосчитать. То ли семь, то ли восемь – это же очень много! По крышам таких домов я бы, наверное, не рискнул прыгать, как делал это в свои лучшие годы! Да и никто, наверное, не решился бы!

«На самом деле много кто решается. В основном, конечно, реадизайнеры… В основном – они».

А еще кто?

«Собиратели. Но с ними ты вряд ли встретишься».

Богиня, ты что-то скрываешь? Разве это повод не рассказывать мне про них?

«Да, повод. Я не хочу, чтобы ты перегружал свой мозг информацией. Тебе и так слишком много всего пришлось сегодня узнать… И не самого приятного тоже».

Что есть, то есть. Но приятные моменты тоже были.

«Например?»

Например, воздух.

Я закрыл глаза и с наслаждением вдохнул свежий воздух полной грудью – после пропитанного смогом и наполненного угольной взвесью воздуха моего родного мира, от которого не всегда помогал даже повязанный на нижнюю часть лица

платок, здесь я вдыхал будто бы сжиженную благодать. Этим воздухом невозможно было надышаться, в нем можно было только утонуть.

Потрясающее ощущение. За всю свою жизнь я, наверное, ни разу не вдыхал такого чистого воздуха. Ради возможности им дышать, действительно, и умереть один раз не жалко!

– Опа, вы гляньте, он все же не умер! – раздалось внезапно сбоку. – Выжил-таки, сукин сын!

– Ой! – тихо пискнула Юля, как-то вся съежилась и спряталась за меня.

Хм…

Я повернул голову на звук.

Среди тощих деревьев стояла троица молодых парней. Все трое – чуть пошире меня в плечах, двое – еще и выше на полголовы. Одеты все одинаково – в синие штаны с тремя белыми полосками на каждой штанине и такие же куртки, только полоски были на рукавах. У того, что был пониже, на голове красовался черный плоский головной убор с торчащим вперед козырьком, двое других были стрижены коротко, как будто по ним машинкой для стрижки овец прошлись.

– В натуре, живехонек! – хмыкнул тот, что был в головном уборе. – И даже своими ногами ходит! Ну ничё, мы щас эту несправедливость легонечко поправим, да, пацаны?

Глава 3

Насекомые

Богиня, что это за насекомые? Это какие-то местные клоуны?

«Сейчас поглядим. Они есть в памяти Сержа, да только ты, к сожалению, не можешь ею воспользоваться. В общем, тот, что посередине – Шуба, остальные двое – Ржавый и Лысый. Местная шантрапа, которая считает себя настоящими преступными воротилами, хотя на самом деле твоего возраста. Были твоими одноклассниками, пока два года назад их не выгнали из школы. С тех пор они промышляют мелким криминалом, в том числе трясут деньги с тех, кто помладше. Как и все преступные элементы этого мира, не любят реадизайнеров, потому что те работают на страну, а это, как они называют, «западло». У тебя они тоже периодически отнимали те немногие деньги, что ты зарабатывал в свободное от школы время, а теперь, когда выяснилось, что у тебя дар, обозлились еще больше. Опасности они не представляют – ну, по крайней мере, для такого, как ты».

Я смерил взглядом этих странных существ, которые и в самом деле не внушали никакого страха. Скорее уж они вызывали улыбку своими нескладными фигурами, на которых одежда висела как на вешалке. По тому, как они стояли, как двигались, как держали себя, сразу было понятно – ничего опасного они собой не представляют, даже подсказки богини для этого были не нужны. Они вообще ничего собой не представляют. Потому и держатся втроем, что по одному им банально страшно. Знаю я таких, насмотрелся в трущобах Килгора. В драке, а что драка случится, я уже не сомневался, опасаться стоит только одного – что кто-то из них исподтишка ударит ножом или достанет из-под плаща балестрино, а то и пистолет.

Хотя откуда у этой шелупони деньги на такое оружие? Миниатюрный арбалет с локоть размером, а тем более пистолет – вещи сложные в изготовлении и дорогие. Мало кто мог себе их позволить, а уж такие уличные блохи – и подавно.

Да и плащей на них нет…

«Да и арбалеты с луками в этом мире давно уже не в чести и используются только для развлечения. А балестрино вообще не изобретали».

Значит, тем более бояться особенно нечего. А вот про луки – это грустно, богиня. Очень грустно.

– Что притих, убогий? – лениво поинтересовался Шуба, медленно шагая ко мне. Остальные двое шли за ним, отставая на полшага. – Зазнался, да? Крутой

теперь, реадизайнер целый! Куда там нам, простым пацанам, которые с тобой вместе учились, да? Даже не поздороваешься, да? Мы теперь для тебя грязь под ногами, да?

Он сам накручивал себя, видя, что я не реагирую на его слова. Стою, стараясь не улыбаться, смотрю на него и не реагирую. Если жертва, а они считали, что я именно жертва, не реагирует на провокации, такие личности сами себя начинают провоцировать, потому что, не дойдя до определенной точки кипения, они не станут атаковать. Им нужно убедить самих себя, что то, что они делают, – правильно. Иначе они не почувствуют своей силы.

Или, вернее, не убедят себя в том, что эта сила у них есть.

– Ну, чё скажешь? – дернул головой Шуба, когда до меня остался всего шаг.

– Что ты и есть грязь под ногами, – усмехнулся я, глядя ему прямо в глаза.

От неожиданности Шуба сбился с шага и на секунду остановился. В его глазах вспыхнул гнев, рот начал округляться в боевом кличе.

Но я не стал дожидаться, когда он переварит услышанное от некогда забитого тихони, и длинным шагом сместился вправо, к тому, кто шел слева от Шубы и чуть позади. Не знаю, кто это был – Лысый или Ржавый, но он не успел среагировать на мой рывок и, продолжая начатый шаг, буквально налетел зубами и носом на мой выставленный в ударе локоть, в мгновение ока сменив имя на Кровавый…

В воздух взметнулся шлейф крови вперемешку с осколками зубов, противник нелепо взмахнул руками и рухнул назад, на пятую точку. Не теряя времени, я впечатал колено ему в лицо, отправляя на асфальт без сознания, и развернулся к оставшимся противникам, которые вряд ли успели понять, что вообще произошло.

Мой расчет оказался верен – у Шубы что-то было в правом кармане, не зря же он держал в нем руку! И сейчас он пытался это что-то вытащить, но из-за поворота корпуса следом за мной ткань куртки натянулась, и это что-то никак не хотело вылезать.

Предсказуемая реакция человека, который не отрабатывал перед зеркалом сотни раз выхватывание своего оружия. Да хоть и без зеркала – он вообще никак и ничего не отрабатывал, потому что не предполагал, что окажется в такой ситуации!

Я шагнул к Шубе, нарочито медленно занося руку для обманного удара, но он и не думал на него повестись! Вместо этого он тонко, совсем как поросенок, взвизгнул и отскочил назад, прячась за второго бугая и выталкивая его вперед свободной рукой.

Ну что ж, мне нет разницы, в каком порядке вами заняться.

Бугай нервно оглянулся на своего заводилу, и я не стал терять момент – выбросил вперед свободную руку с недожатым кулаком, из которого выпирал не до конца согнутый средний палец. Вторая костяшка тюкнула бугая в удобно подставленный висок, и он моментально осел на асфальт, будто ему ноги подрубили.

Хорошо иметь сильное здоровое тело. Самое главное – молодое. Лишенное неприятностей типа застарелых травм, которые дают о себе знать в самый неподходящий момент и из-за которых приходится каждое движение продумывать трижды.

Шуба, увидев, что произошло с его друзьями, отскочил еще дальше, да так резко, что потерял с головы свою смешную шляпу, зацепившуюся за ветку, и наконец под треск разрываемой ткани выдернул из кармана свое оружие! Щелкнула скрытая пружина, и в руке блатного блеснул короткий клинок с односторонней заточкой.

– Крутым стал, да? – прохрипел Шуба. – Ну так это ничего, перышку по хрену на крутость! Перышко всех одинаково режет! Давай, попробуй меня взять, реадизайнер доморощенный!

Стоял при этом он смешнее некуда – присев и разведя в стороны колени и расставив руки. Так стоят кандитские монахи во время медитативной тренировки, только согнув ноги еще больше – под прямым углом, так что те стоят буквой «п». И, конечно, никто из них не стал бы всерьез рассматривать это как боевую стойку. Смотреть на это с такой стороны стал бы только тот, кто о

боевых стойках не знает вообще ничего, зато в испуге инстинктивно пытается казаться больше, чем есть, через выставление конечностей в стороны.

Будь у меня в руках лук и стрелы, эта шантрапа получила бы по стреле в каждый глаз раньше, чем успела бы моргнуть. Будь нож – я бы вскрыл его за несколько секунд, как свинью на бойне, как рыбу на разделочной доске. Банально за счет правильной стойки с выставленной вперед вооруженной рукой, повернутой наружу внешней стороной. Один короткий укол под выдвинутый и прямо напрашивающийся на удар подбородок – и здравствуй, вскрытая гортань и невозможность дышать.

Но даже при том условии, что у меня не было никакого оружия, у этого борова, которому нож скорее мешал, чем помогал, не было шансов. Он скорее сам себя порежет неосторожным движением, чем попадет по мне.

Я шагнул к нему навстречу, потом еще раз, поднял с земли его плоскую шапку, заодно незаметно вкладывая в нее подобранный там же камень.

– Эй, оставь мою кепку! – занервничал Шуба. – Она стоит дороже, чем весь ты!

Вот отлично. Пусть уцепится за какой-то знакомый ему образ. Это поможет немного выбраться из пучины смеси гнева и страха и почувствовать себя хозяином ситуации.

– О, я не смею ее касаться, что ты, – сладко улыбнулся я. – Всего лишь хотел тебе вернуть… Забирай!

И я швырнул камень, завернутый в кепку, ему прямо в лицо!

Шуба вздрогнул, поняв, что что-то не так, вскинул руки, пытаясь отбить кепку.

Раздался тихий хруст, а потом смачный удар и полный боли вопль. Не ожидая такого большого веса, Шуба не удержал камень, и тот, прорвавшись через заслон из пальцев, вмазался прямо ему в морду! Выронив нож, Шуба ухватился обеими руками за лицо и повалился на колени, не прекращая выть:

– Мой нос!.. Не могу дышать!..

– Дыши ртом, – посоветовал я, подходя к нему. – Отек спадет – задышишь снова. Не сдохнешь. Это я тебе гарантирую.

– Сука, я тебя урою! Я тебя найду и урою! – рыдал Шуба, даже в таком состоянии продолжая упорствовать. Одну руку он отнял от лица и принялся шарить вокруг себя, пытаясь нащупать нож.

Но он не видел, где тот лежит. А я видел. Поэтому я нагнулся и поднял его первым, после чего поднес острие к лицу Шубы и провел короткую черту вдоль линии роста волос.

Шуба завизжал и откинулся назад, на спину, суча руками и ногами.

– Ты не думаешь, что угрожать урыть того, кто только что вас всех чуть на тот свет не отправил, плохая идея? – спросил я, изучая трофей.

Какое-никакое, а оружие. Узкая рукоять из синего… как его там… пластика, вот. Короткий тонкий клинок с бритвенной заточкой, со сквозной узкой прорезью вдоль обуха. Кнопка на рукояти, нажав на которую, я смог сложить клинок в рукоять, преодолев легкое сопротивление скрытой пружины. Интересная конструкция, мне нравится.

– Если я тебя увижу еще раз, то по намеченной линии сдеру с тебя волосы вместе с кожей, – снова обратился я к Шубе, который уже перестал выть и только всхлипывал, лежа на боку. – Ты меня понял?

– Понял! Понял, гнида! – провыл Шуба.

– Я не расслышал.

– Понял! Я все понял!

«А ты все еще в форме, я смотрю. Посмертие никак на тебе не отразилось. Не то чтобы я успела забыть, на что ты способен, но… Знаешь, я начинаю думать, что у тебя-Сержа есть неплохой шанс выжить даже в сложившихся условиях».

Я тоже так думаю. В конце концов, какой-то там спятивший аристократ, решивший во что бы то ни стало меня убить… Кто он против Скользкого Джи с его личной прорицательницей, которая буквально ежечасно докладывала ему о моих перемещениях? И где теперь тот Джи? Правильно – в Белом Пламени.

«А ты о себе высокого мнения».

Могу себе позволить. Мир большой, нет никакой гарантии, что мы вообще где-то когда-то встретимся.

«А вот от этого тебе лучше бы избавиться как можно скорее. Ты пока еще ничего не знаешь об этом мире».

Кое-что уже знаю. Здесь так же, как и там, – чем меньше и ничтожнее насекомое, тем более опасным оно пытается казаться.

Я повернулся к Юле, которая, к счастью, все это время простояла у меня за спиной и не лезла в разборки. Сказать, что она была в смятении, – ничего не сказать. Казалось, она буквально не знает, какую из переполняющих эмоций выказывать: то ли страх, то ли восхищение, то ли радость, то ли омерзение. Она стояла, прижав кулачки к подбородку, а локти – к животу. Ноги ее мелко дрожали.

– Ты… Ты… – тонко пищала она, глядя на меня. – Ты… что…

– Пойдем отсюда, – улыбнулся я, протягивая ей руку.

– Сделал? – вопросительно шмыгнула носом Юля, не сводя с меня взгляда.

Надо думать, эти три слова – часть одного вопроса.

– Не дал себя избить, полагаю. – Я пожал плечами.

– К… как? Ты же… Ну… они… обычно… – Юля откровенно путалась в словах, скорее всего, потому, что сама толком не понимала, что хочет спросить.

– А, ты об этом… – я непринужденно махнул рукой. – Слыхала, что во время ритуала инициации человек может умереть? Так вот, считай, что я успел умереть… И вернулся обратно. Но там, за гранью смерти, я успел почерпнуть много новых знаний и умений. Так что я еще немало сюрпризов тебе преподнесу, и не удивляйся, что ты меня не узнаешь, – перед тобой новый я. Нравится?

Юля улыбнулась до ушей и молча кивнула.

«А ловко ты придумал! Может, я не права, и ты все же богослов? Они тоже те еще мастера языками чесать!»

Нет уж, упаси, богиня.

«Мы с тобой обсуждали только два варианта – богослов и убийца. Но ты же не убил этих троих».

На глазах у этой девочки? Чтобы она потом до конца жизни теряла сознание при виде крови, пусть даже из порезанного пальца? Да и сами парни… Может, еще одумаются и начнут нормальную жизнь.

«Ты сам в это веришь?»

Я дал им шанс. А как они им воспользуются, меня уже мало волнует. Если продолжат заниматься тем же, чем занимались, – очень скоро сыграют в ящик. Но без меня. Еще я руки не марал о всякую падаль, тем более – бесплатно.

– Тогда идем скорее, пока никто полицию не вызвал! – сказала Юля, косясь на валяющиеся под деревьями тела. – А завтра уедем, и никто нас не найдет, даже если эти трое напишут заявление!

– Отличная идея, – согласился я. – Видишь, как я был прав, когда предлагал выезжать как можно раньше. Только есть одна проблема… Я с этим ритуалом инициации совсем забыл, где я живу. Ты же была у меня дома, да?

– Конечно, кучу раз! – улыбнулась Юля. – Идем, провожу! Где ключи-то у тебя от дома, помнишь?

Богиня, где мои ключи от дома?

«Конкретно твои – не знаю, ведь на тебе одежда, которую тебе выдали. Но у вас в почтовом ящике всегда лежит запасной комплект».

– Да, вспомнил… – я кивнул. – Веди.

Юля улыбнулась, взяла меня за руку и повела за собой, прочь от больницы. Но не прошли мы и двадцати шагов, как она повернула голову прямо на ходу:

– А вот то, что ты побил тех троих… Это как?.. Это и есть реадиз, да?

Я вздохнул, и, чтобы не вдаваться в подробности, коротко ответил:

– Можешь считать, что да.

В конце концов, чем еще может быть переселение разума одного человека в тело другого, если не магией? Или, как ее называют здесь, реадизом.

Юля весело щебетала всю дорогу, фантазируя, какой будет ее жизнь, когда она поступит в университет. Про мою жизнь тоже пыталась рассуждать, но быстро признала, что понятия не имеет, что происходит в академии реадиза, и свернула тему. На протяжении всего пути, а это заняло минут двадцать, она не отпускала моей руки и особенно сильно сжимала ее, когда мы переходили через дороги, будто боялась, что я убегу без нее.

Я подругу почти не слушал, вместо этого предпочитая вертеть головой по сторонам и запоминать, как выглядит новый мир, в котором мне теперь предстоит жить. А выглядел он… необычно. Улицы широкие, прямые, как стрела, дома высокие, как скалы, места – полно! Хоть устраивай турниры на самый дальний выстрел из лука прямо на дороге! В городах моего мира такого раздолья нет, там все спрессовано, сжато, втиснуто на минимальной из всех возможных площади.

Дом мой выглядел точно так же, как и все остальные, словно их строили по одному плану. Квартира оказалась крошечной конурой, однокомнатной, но

разделенной шкафом на две половины. В одной из них, судя по всему, жила мама, в другой – я. Старый я. Или, вернее, наоборот – молодой я. Ох, да тут запутаешься с этими понятиями.

Юля с ходу предложила сделать чай и по-хозяйски отправилась на кухню, которая здесь была отдельным, хоть и тоже крошечным помещением. Я же первым делом полез искать сейф.

Убранство квартиры было небогатым – по небольшой односпальной кровати в каждой комнате, в маминой половине еще стоял старый облезлый тяжелый стол, на котором в беспорядке перемешались всякие бумажки, и стул перед ним. На полу – выцветший ковер с геометрическим узором. Шкаф, разделяющий две половины, дверцами был повернут в мамину половину, и в нем, таком огромном, сиротливо висела пара платьев, а на полках были сложены аккуратными стопочками несколько теплых свитеров, футболок, штанов. Все не новое, но чистое и аккуратное. Моя семья явно не отличалась богатством. Даже странно, что здесь вообще есть какой-то сейф.

Сейф обнаружился на моей половине, в которой кроме кровати была лишь пара гирь среднего веса и такой же обшарпанный, как у мамы, набор из стула и стола. В углу, за картиной, изображающей странного синего щенка, обнаружилась небольшая, размером с две книги дверца с кнопочками, на которых были нарисованы цифры. Все из металла – холодное и надежное.

«Тишка умер в возрасте ста тридцати семи месяцев. Так что вводи один три семь».

Я ввел названные цифры – дверь тихо пискнула и щелкнула, отойдя от стены на пару сантиметров. Я подцепил ее пальцами и потянул на себя, открывая внутренность сейфа. В нем оказалось две полки, и на этих полках лежали стопки нарезанной цветной бумаги.

«Это деньги, Серж. Здесь такие деньги».

В моем мире деньги были тяжелыми монетами из металла. Здесь – простая бумага?

«Здесь тоже есть монеты. А эта бумага – она не очень простая… И это даже не бумага, в общем-то. Долго объяснять, но да, это деньги. Доставай их и выкладывай на стол, надо понять, сколько здесь».

Я принялся доставать пачки и раскладывать их на столе. Они все были одинаковые – по размеру, по цвету, по толщине. Даже тонкие эластичные резинки, которыми они все были перетянуты, были одного цвета. У мамы явно была идея фикс по сбору этих денег, раз она так серьезно подошла к вопросу.

Через минуту я закончил перенос денег из сейфа на стол и встал перед ним, задумчиво оглядывая получившийся капитал.

Ну и сколько тут?

«Ну, если говорить в понятных тебе выражениях…»

За спиной внезапно раздался тихий вздох, а следом – звон бьющегося фарфора.

Я рефлекторно отпрыгнул вперед, разворачиваясь и ныряя рукой в карман за трофейным ножом.

Но это оказалась всего лишь Юля. Неосознанно воспользовавшись тем, что я отвлекся на деньги, она подошла со спины, видимо, неся в руках обещанный чай… А сейчас она стояла, прижав ладони к лицу и с ужасом глядя сквозь пальцы на стопки денег на столе.

– Юля, ты что? – осторожно спросил я.

– Серж… – тихо прошептала она. – Откуда у тебя столько денег?! Откуда у тебя столько денег?! У вас же в жизни не было столько денег! Только не говори, что ты связался с бандитами!..

Глава 4

Добрый лук

Я снова перевел взгляд на пачки денег на столе. Да, их действительно было много. Но вот насколько много? Неужели настолько, что это может вызвать такую бурную реакцию? Неужели здесь действительно такая огромная сумма, какой Юля даже представить себе не может?

«Не совсем. Вернее, даже совсем нет. Здесь около двухсот тысяч рублей, это здешняя валюта. На такие деньги можно купить, например, подержанную машину. Довольно сильно подержанную, но еще на ходу. Можно сделать ремонт в этой квартире, без покупки новой мебели. В общем, это не так уж и много. Это только кажется, что много, потому что здесь купюры маленького достоинства. Твоя мама всю жизнь работала в обслуге гостиницы, и, скорее всего, все это ее чаевые, которые оставляли ей гости. Заметь, все купюры явно бывшие в употреблении».

Но если тут не такая уж и большая сумма, то почему Юля так реагирует?

«Она же сказала – потому что для тебя, для вашей семьи это огромная сумма. Погляди на квартиру: тут давно не было ремонта, мебель вся старая. Ты ходил в обычную, ничем не примечательную школу, на карманные расходы вынужден был зарабатывать сам, подвязываясь тут и там грузчиком. С точки зрения Юли, ты – нищий. А тут вдруг выясняется, что у тебя есть такой клад. Само собой, она решит, что эти деньги – незаконные, ведь в ее понимании их у тебя не может быть, просто потому, что не может быть никогда».

Звучит логично. К тому же ей оттуда не видно, что все эти деньги – мелочовка.

– Это не мои деньги, – ответил я, глядя Юле в глаза, чтобы создать иллюзию честности. – Точнее, теперь уже мои. Это мама копила все восемнадцать лет моей жизни, мне на учебу. Она верила в то, что у меня будет дар, она надеялась на это и копила как раз для того, чтобы я смог пройти обучение в академии.

– Откуда она знала, что у тебя будет дар? – Юля ошарашенно помотала головой. – Такие случаи бывают один на миллион, чтобы дар проявился у кого-то, кроме наследников реадизайнеров! Да что там миллион – миллиард!

– Не знаю, – покривил душой я. – Я лишь передаю тебе то, что услышал сам от нее. Ну, тогда, когда заходил к ней в палату.

– Ух, ну и дела, – выдохнула Юля. – Ты, оказывается, богач!

– Ну, не думаю, – усмехнулся и поманил ее пальцем. – Здесь всего-то около двухсот тысяч. Особо не разгуляешься.

– Ой, да ладно! – обрадовалась Юля. – Это же машину можно купить! В Довгород, конечно, на ней не поедешь… Но можно купить прямо там!

Представляешь – в восемнадцать лет своя машина! Мечта!

– Ну да, а жить на что? – хмыкнул я. – Или жить в машине?

«А ты прожжённый прагматик! Дай девочке помечтать! Ей-то не светят даже подобные суммы!»

– Ну да, ты прав, – прямо на глазах поникла Юля. – Тебе же еще за учебу платить. Это я надеюсь на бюджет поступить, а ты теперь все равно что один остался.

Она подняла голову и посмотрела на меня так, будто в первый раз увидела:

– Знаешь, Серж… Ты теперь такой… взрослый…

И в ее взгляде, и в ее тоне явно проскальзывало не только это. Я хорошо знаю этот взгляд из-под полуопущенных ресниц – я тысячекратно ловил его на себе. Влажный, масляный, прилипчивый. Это взгляд, которым самка смотрит на самца.

Я еще раз усмехнулся и обвел пальцем деньги на столе:

– В любом случае в таком виде это тащить с собой не стоит. Тут целая сумка одних только денег получится. Надо это обменять на более крупные купюры, что ли.

– Зачем такие сложности? Закинь на карту, – мгновенно оживилась Юля. – У тебя же есть карта?

– Карта? – глупо переспросил я, пытаясь сообразить, при чем тут картография.

«Здесь не обязательно носить деньги с собой. Можно их отдать банку, который будет их хранить и расплачиваться ими за тебя, когда ты будешь совершать покупки. Для этого есть специальные карты».

Какая удобная система! Мне бы ее в мой родной мир, я бы тогда не отбил себе палец на ноге, когда неудачно сбросил со спины мешок с гонораром за голову шерифа! Потом неделю ходил, ругаясь при каждом шаге!

«Но карты у тебя нет. Ее можно легко завести в любом банке, процедура быстрая».

– Карты нет, – ответил я Юле. – Надо ее сделать.

– Тогда следует поторопиться, а то можем не успеть в рабочее время! – засуетилась Юля. – Еще же надо вещи собрать, понять, чего нам не хватает, по магазинам пробежаться…

– Да, именно… – остановил я балаболку, подняв руку. – В магазины нам действительно надо забежать. Только вряд ли мы говорим об одних и тех же магазинах.

Юля, замолчавшая на полуслове, удивленно моргнула глазками:

– Ты уже знаешь, что хочешь?

– Знаю. Мне нужен лук. И стрелы.

Мы вышли из квартиры, и Юля привела меня в отделение ближайшего банка. Там было шумно и неуютно, постоянно раздавались какие-то трели, из-под потолка временами вещал механический голос, а в самом помещении толпились люди. Кто-то снимал деньги через банкомат, как объяснила богиня, посредством тех самых карт, кто-то сидел в маленьких кабинках, отгороженных друг от друга невысокими стенками, и о чем-то громко спорил с уставшими, натянувшими на лица дежурную улыбку работницами банка в сине-зеленой униформе,

разместившимися по другую сторону узкого стола.

Одна из таких сделала мне карту – действительно быстро. Понадобился всего лишь мой паспорт, который я нашел в квартире по наводке богини и взял с собой, и номер телефона. Его я продиктовал тоже по подсказке богини, попутно спросив, что это вообще такое. Из ее объяснения я понял только, что это вроде связанных раковин моего мира… Только связывались они не парами, а с любого телефона можно было позвонить на любой другой, если знать его номер.

Сам телефон тоже нашелся у меня в квартире – маленький вытянутый прямоугольник с выпирающими мягкими кнопочками, на которых были нарисованы цифры.

– Да, мобильник у тебя так себе, – выпятила губу Юля, когда я его достал из ящика стола в своей половине. – Может, хотя бы телефон тебе купим новый? В Довгороде тебе как минимум карту понадобится скачать, а этот хлам… Ну серьезно, хотя бы за пять-семь тысяч новый телефон? А?..

«Предложение неплохое. Хороший телефон в этом обществе – очень важная вещь. Особенно для реадизайнера, а ты ведь теперь один из них. Для многих сама жизнь заключена в телефоне – всякие мессенджеры, социальные сети, разные приложения… Ты даже не представляешь, какая часть жизни заключена в телефоне. Юля вон на твоих глазах даже играла на нем!»

Играть на телефоне. Звучит весело, но непонятно.

– Ладно, давай зайдем и купим телефон, – улыбнулся я. – Только я в них ничего не понимаю, поможешь мне?

– Да я знаю, что ты дуб дерево хвойное! – засмеялась Юля, беря меня под руку. – Не переживай, выберем лучшее из доступного!

Буквально через полчаса после выхода из банка я уже тащил в руках коробку с новым телефоном – пока еще не распакованную. Я ожидал, что, как любая женщина, Юля затянет с выбором и покупкой на половину дня, но она меня удивила. Быстрой ланью пронеслась по магазину, отчего ее юбку порывами ветра порой задирало выше приличного уровня, ухватила за рыжий галстук местного продавца, о чем-то с ним повздорила, а мне осталось только оплатить

то, что она выбрала. Семь тысяч минус.

Причем я пока что так и не понял, за что именно отдал деньги. Буду надеяться, что оно того стоило.

А сейчас пришла пора мне удивлять Юлю.

Она привела меня к большому зданию, составленному из зеркальных панелей. Огромный такой глаз мухи. Кубический. В одной из граней куба были огромные двери, без остановки вертящиеся и ежесекундно пропускающие через себя целые реки людей. Казалось, что за минуту здесь в ту и другую сторону проходит население небольшого города.

– А вот и «Космос»! – так радостно, будто сама строила это здание, объявила Юля. – В этом торговом центре есть магазин оружия, в нем продаются луки!.. Кстати, не скажешь, зачем он тебе?

– С… стрелять… – даже немного растерялся я.

– В кого? – нахмурилась Юля. – И зачем?

Ох…

Богиня, для чего тут используют луки?

«Для развлечения. Для охоты. Больше ни для чего».

Как оружие – нет?

«Как оружие они давно устарели, здесь сейчас правит бал огнестрельное оружие, оно ушло в своем развитии намного дальше тех простых кремневых и колесцовых пистолетов, которые знаешь ты».

– Охотиться буду, – подмигнул я Юле.

Не отвечать же ей, что мне нужен лук для развлечения? Это уж совсем наглая ложь будет. А так я хотя бы немного правду сказал…

– На кого? – опять насупилась Юля. – Реадизайнеры не пользуются оружием, забыл?

Здравствуйте. Это еще почему?

«Не то чтобы они не пользовались… У них это считается плохим тоном. Считается, что если тебе необходимо прибегать к оружию, то медяк цена твоим собственным силам. Будешь смеяться, но в случае смертельной опасности реадизайнеры предпочтут не схватиться за оружие, а героически умереть».

Действительно, буду.

Вернее, нет, не буду. Юля неправильно поймет. Она и так вон уже подозрительно косится на меня. Мало ли что ей придет в голову – вдруг пойдет и сдаст меня стражникам.

«Полиции. Здешние стражники зовутся полицией. И они, кстати, как раз-таки вовсю пользуются огнестрельным оружием».

– Я шучу, – улыбнулся я. – Просто хочу попробовать пострелять из лука. Пока я валялся в коме, мне пришла в голову такая навязчивая мысль. Теперь отделаться от нее не могу.

Юля безразлично пожала плечами, пробурчала что-то вроде «только деньги тратить», но все равно схватила меня за руку и повела в торговый центр.

Побродив несколько минут по стеклянному лабиринту торговых секций, мы наконец остановились перед вывеской «Охотный ряд». Прозрачные стеклянные панели, заменяющие здесь всем помещениям стены, были занавешены изнутри темно-красными тяжелыми портьерами, будто хозяева пытались не выставить товар в лучшем свете, а наоборот – скрыть его от посторонних.

Внутри магазин оказался небольшим вытянутым помещением, стены которого были увешаны разнообразным оружием. Я бегло окинул взглядом неизвестные

мне вещи и наконец наткнулся взглядом на висящий особняком лук.

Висящий уже натянутым.

Я скривился, заранее не ожидая ничего хорошего, но все же обратился к продавцу, что читал книжку за стеклянной витриной, полной еще какого-то малоинтересного хлама:

– Уважаемый, будьте добры, дайте лук посмотреть. Вон тот синий с белым.

Скривившись, будто мы оторвали его от важного дела, мужчина неопределенного возраста отложил книгу и снял со стены лук. Протянул его мне и встал, сложив руки на груди и не сводя с меня взгляда.

Рукоять лука была искусно выточена под ладонь, и рука легла в эти выпуклости и впадины почти идеально. Держать было удобно, лук был легким, даже чересчур легким. Привычно вытянув вбок левую руку, я взялся за тетиву правой и легко, не напрягаясь, оттянул ее к уголку губ. Лук оказался очень слабым. Я из такого стрелял в двенадцать лет. А еще, несмотря на свою легкость, он был крайне длинным: поставив его плечом на носок ноги, другое плечо я почти смог упереть себе в подбородок. Когда я взял за кончик плеча пальцами и выгнул его против направления естественного сгиба, раздался ожидаемый едва слышный хруст пересушенного дерева. Ну и, конечно же, плечи оказались свинчены, и это быстро выяснилось, когда я поднял лук на уровень глаз, прищурил один, а вторым посмотрел вдоль тетивы на свет. Плоскости плеч не были параллельны, и меня это не устраивало.

– Спасибо. – Я вернул лук обратно продавцу. – А еще есть? Помощнее желательно.

Помощнее у него нашлись еще два лука, но все равно они были слишком слабые для меня, да к тому же имели все прочие недостатки первого экземпляра. Вернув их все обратно продавцу, я велел ничего не понимающей Юле вести меня в следующий магазин. А если там ничего не найдем, то в следующий. И так до тех пор, пока не найдем что-то, что устроит меня хотя бы на четверть.

Хотя бы не будет пересушенным в условиях неправильного хранения в натянутом состоянии.

Юля закатила глаза, показывая тем самым свое отношение к моему капризу, но согласилась помочь. Она вызвала такси, и мы поехали в следующий ближайший оружейный магазин.

Он оказался намного больше секции в торговом центре. Здесь было несколько помещений и торговали не только оружием и патронами к нему, но и мишенями, костюмами для охоты и прочими приспособлениями. Правда с луками тут тоже все было грустно – четыре экземпляра и все как минимум с одной из проблем предыдущего магазина. Да еще и слабые все, как новорожденный котенок. А один и вовсе лишь назывался луком, а на самом деле представлял собой пыточное приспособление с кучей тросов и даже какими-то кривыми колесами.

В конечном итоге мы посетили четыре магазина, и ни в одном не нашлось достойного лука. Один раз, казалось, я нашел то, что нужно – и вес у него был в самый раз, и сила натяжения приличная, и даже состояние сносное, но все равно не то – рукоять была из стали, а такое меня не устраивало. Неужели в этом городе нет ни одного приличного лука? Неужели здесь все так плохо? Может быть, мне есть смысл поберечь деньги и найти лук в Довгороде? Раз уж мы едем туда учиться, наверное, это город посерьезнее нашего захолустья!

– Возможно, ты и прав, – подумав, изрекла Юля в ответ на мои мысли. – В Довгороде уж точно магазинов будет побольше. Конечно, всегда можно заказать тебе лук через Сеть, но…

– Не пойдет, – тут же отрезал я, выслушав моментальную и короткую лекцию от богини про Сеть. – Такие вещи надо щупать.

– Это точно, – улыбнулась Юля. – То-то ты их все перещупал, как девицу на выпускном.

И томно опустила взгляд, будто ничего такого и не сказала.

Я усмехнулся.

День клонился к вечеру, а мы снова сидели в такси, только ехали в этот раз уже по домам – собираться. Не знаю даже, что я буду собирать. В планах было немного пострелять, хотя бы в квартире, чтобы попривыкнуть к луку, а без

лука…

Внезапно что-то за окном привлекло мое внимание. Я присмотрелся – и да, в витрине магазина, мимо которого мы проезжали, стоял лук! И не просто лук, а лук без тетивы, выгибающий плечи практически в обратную сторону.

– Стой! – завопил я, судорожно дергая ручку двери. – Тормози! Остановись!

Скрипнув тормозами, такси остановилось, я вышел из салона и быстрым шагом, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, пошел в сторону магазина.

Звякнул колокольчик, задетый открывшейся дверью, и я попал в мир древностей. Вокруг стояли деревянные высокие барабаны, лежали какие-то пыльные свитки, висели круглые пушистые ловцы снов… Тут – огромный пожелтевший от старости глобус, там – коллекция значков в ящичке со стеклянными дверцами, здесь – странный черный диск с дырочкой посередине…

И хозяин всего этого – благообразный старичок в очках, с зачесанными назад седыми волосами, открывающими некогда умный, а сейчас покрытый морщинами высокий лоб. Услышав колокольчик, он оторвался от обмахивания кисточкой огромной деревянной маски, которая впору была бы разве что слону, и обернулся к двери.

– Добрый вечер, молодой человек. – Он склонил голову, будто слегка поклонился. – Что привело вас в мою лавку?

– Лук, – с пересохшим горлом ответил я, тыкая в сторону окна.

– Ах, лу-у-ук, – совсем другим, уже серьезным тоном протянул старец и отложил кисточку. – А у вас губа не дура!

– Могу я посмотреть? – наконец справился я с собой.

– Для такого ценителя, как вы, можно даже выстрелить, – улыбнулся старец и полез через горы своего старого хлама к окну.

Наконец лук оказался в моих руках. И он был идеален.

Его вес, форма рукояти, изгиб и материал плеч – все было идеальным. Я взял протянутую мне тетиву, накинул ее на одно плечо, переступил через лук и согнул его через бедро, натягивая тетиву на второе. Поднял лук на уровень глаз, проверяя плечи – идеально ровные. Взялся за рукоять, второй рукой за тетиву и на выдохе потянул мышцами спины, приближая правую лопатку к позвоночнику. Как на учениях. Как на стрельбище.

И лук нехотя подался. Тугие плечи выгнулись мощной дугой, рукоять истово надавила в ладонь, стремясь сломать меня, сложить меня, но я не поддался, хоть и было нелегко. Для старого меня этот лук был бы все же немного слабоват. Для нового меня, у которого есть только техника, но еще не развиты нужные для этого мышцы, он даже немного тугой.

– А я смотрю, вы подружились, – довольно прокомментировал старец. – Это не простой лук, как вы уже поняли. Простыми вещами я не торгую. У каждой из них своя история. Например, этот лук произведен полностью вручную одним человеком из рода Ратко. Он однажды поспорил с членом другого рода, что сделает своими руками что-то. Ну, знаете, у них, реадизайнеров, не принято работать руками. А он поспорил. И для того чтобы в чистоте спора не возникало сомнений, выбрал такую нечасто встречающуюся в нашем мире вещь, как лук. Он потратил три месяца на то, чтобы объехать несколько таких редких в наше время мастеров по изготовлению луков, и потом еще два месяца делал этот лук. Есть мнение, что в него перетекла частица реадиза этого господина.

– Так, а как же он попал к вам? – усмехнулся я.

– Не поверите, но после того как господин выиграл спор, лук перестал быть ему нужен, – старец развел руками. – И он просто выбросил его на помойку. А тут как раз и подвернулся я. Вы даже не представляете, сколько интересных вещей выкидывают люди, особенно если это не обычные люди.

С тем же успехом он мог рассказать историю о том, что лук самолично сделал кто-то из богов, – проверить ее точно так же было бы невозможно.

Но лук и вправду был хорош. Небольшой, чуть выше моего пояса в натянутом состоянии, он еще и разбирался, причем хитрым способом – оттягиваешь крепление и просто достаешь плечо. А собрать обратно – просто воткнуть его в нужное место до щелчка. Очень удобно и очень круто.

– Сколько? – спросил я, кладя лук на прилавок.

– Пятьдесят тысяч.

– Беру. И двадцать четыре стрелы.

Юля за спиной, к тому моменту подошедшая в магазин, со свистом втянула воздух сквозь зубы, но я уже расплачивался при помощи карты со стариком, – на ее беду, она меня научила, как это делать.

Старик завернул лук и стрелы в кусок толстой материи и радушно пожелал мне зоркого глаза. Я поблагодарил его, и мы покинули магазин.

Остаток дороги Юля пыталась выведать у меня, как мог я потратить такие деньжищи на такую бесполезную штуку, но, получая односложно ответы, в итоге она, кажется, поняла, что я не намерен говорить на эту тему, и надулась.

А я украдкой гладил лук, лежащий на коленях, и улыбался.

Глава 5

Поезд

Я перерыл всю квартиру, но так и не придумал, что же мне взять с собой в таинственный Довгород. Раньше у меня как-то не возникало проблемы таких масштабных сборов, потому что не возникало необходимости куда-то переезжать насовсем. Были редкие командировки в другие города и даже страны, но они длились самое долгое неделю. А что с собой брать, когда переезжаешь насовсем и не планируешь возвращаться я не знал.

Наверное, надо взять какой-то комплект сменной одежды, хотя у меня этой одежды кот наплакал, судя по всему. Ну и ладно, так даже проще – всю и возьму. Три пары штанов, в одних из которых стыдно выйти даже мусор выкинуть, четыре футболки и восемь комплектов белья. Один серый вытянутый

свитер, одна кожаная куртка. Две пары ботинок – зимние и летние, надо думать. Обе на ладан дышат, причем дышат через раз.

Естественно, возьму с собой новый телефон, который еще настроить надо под себя. Но это завтра, это не горит. Там как раз Юля поможет, без нее я все равно ничего толком не сделаю.

Само собой, возьму лук. Не зря же я его покупал. В разобранном виде завернутый в ту самую ткань, в которой мне его и продали, он замечательно помещался в небольшой пакет. Немного тяжелее пришлось со стрелами – они были слишком длинные, и из пакета торчали либо красно-белые перья, либо острые наконечники. В итоге я их вытащил из пакета, боясь, что просто порву его, и положил на стол, решив разобраться с ними позже.

Стрелы, кстати, луку не подходили совершенно. Они даже не деревянные, что уже было странно. Они были из карбона, как мне подсказала богиня – черные, гладкие как стекло на ощупь и совершенно невесомые. Перья у них были подрезаны просто на загляденье – одно к одному, как будто сотню перьев просто сложили друг на друга и разом обрезали каким-то гигантским лезвием, придав всем одинаковую форму. В общем, чудо, а не стрелы. Наконечники только подкачали – они были не привычного боевого вида, с острыми лезвиями, а похожие на кончик очень толстой иглы. Такой стрелой серьезную рану не нанесешь, такой стрелой если только наверняка бить – в глаз, в ухо, в висок. В сердце…

Для пробы я снял матрас со своей кровати, притащил его на мамину, сложил их вместе и поставил на торец, тем самым сделав импровизированный стрелоуловитель. Матрасы, конечно, вещь слишком мягкая, но конкретно эти уже были старые и в центре изрядно продавились. Буду надеяться, что там материал уплотнился и два слоя смогут удержать стрелу.

Собрать лук получилось за десять секунд, вместе с натяжкой тетивы. Весьма неплохо, надо сказать. Если понадобится, смогу довести результат до пяти, а может, и до четырех. Только сейчас я разбирал его, хватая части со стола, а в боевой ситуации, надо думать, придется выхватывать из свертка.

Ладно, эти тренировки попозже.

Пока же я наложил стрелу на лук, зацепил хвостовик за тетиву до легкого щелчка, чуть потянул ее на себя, фиксируя стрелу на полке, и одновременно с выдохом растянул лук на полную.

Средний палец тянущей руки коснулся угла губ, взгляд скользнул вдоль стрелы и уперся в маленькую точку какой-то грязи на матрасе. Задержать дыхание… И просто отпустить тетиву, позволяя луку сделать всю работу. Просто не мешать ему.

Фшух!

Правая рука по инерции, продолжая уже оборвавшуюся тягу, дернулась назад, стрела сорвалась с тетивы, и с глухим хлопком вонзилась в матрас до середины своей длины!

Пятнышко осталось двумя сантиметрами правее и сантиметром ниже.

Что ж, отличный результат для незнакомого лука и совершенно незнакомых чересчур легких стрел. Пусть даже на расстоянии всего лишь пяти метров. Всего лишь пара десятков выстрелов – и я снова верну себе способность укладывать стрелу за стрелой в полуростовую мишень на пятидесяти метрах.

Отложив лук на стол, я подошел к матрасам и завалил их на себя, глядя, как повела себя стрела. А стрела легко прошила навылет оба и остановилась только потому, что наткнулась на стену позади – в ней даже осталось небольшое углубление. Надеюсь, стрела не треснула.

Внимательный осмотр и попытки выгнуть стрелу дугой доказали, что не треснула. Хорошие стрелы, надо думать. Только с наконечниками надо что-то решить. Но это уже точно не в этом городе – слишком поздно куда-то ехать и что-то искать.

Юля обещала, что возьмет билеты на поезд нам обоим, а я ей потом отдам деньги, и я решил, что это лучший из возможных вариантов. Она уж точно ничего не перепутает и сделает все как надо, в отличие от меня. У меня же были более насущные проблемы.

В процессе лазанья по углам квартиры я нашел почти то, что искал, – длинный тубус, в который отлично поместился весь пучок стрел. Это было отличное приобретение, которое позволит мне избежать множества неудобных вопросов. Решив эту насущную проблему, я понял, что мне, по сути, делать уже просто нечего, поэтому я наскоро поел найденной в квартире колбасой и батоном хлеба и лег спать на дырявый матрас.

Утром меня разбудила вибрация в кармане штанов – я так и лег не раздеваясь.

– Доброе утро! – поприветствовала меня Юля. – Собрался?

– Собрался, – буркнул я спросонья.

– Отлично, тогда я сейчас к тебе заскочу и поедем на вокзал! Ты завтракал?

– Нет.

– Тогда я прихвачу с собой. Жди, через двадцать минут буду!

Двадцать минут… Надо себя в порядок привести, что ли. Умыться там…

Под руководством богини я даже успел принять душ и как раз вытирал полотенцем свои короткие темные волосы, когда в дверь позвонили. Я прошел в коридор, повернул барашек замка и открыл дверь, отступая на шаг назад, чтобы Юля могла пройти.

– А вот и я! А ты… Ой!..

Юля моментально покраснела и отвела взгляд, даже не войдя толком в коридор.

«Серж, ты вообще-то голый».

Точно, я забыл одеться после душа. Раньше меня это не особо смущало… Да и женщин, в общем-то, тоже.

– Хм, извини, – нисколько не раскаиваясь, произнес я и снял полотенце с головы, повязав его вокруг бедер. – В душе был.

– Я… поняла… – пролепетала Юля, все так же не поднимая взгляда. – Уже… поняла…

«Совсем девочку засмущал!»

Ничего, мне с ней не детей делать. Переживет.

Юля была сегодня одета в ту же короткую юбку, что и вчера, только рубашку с галстуком поменяла на короткую маечку, открывающую пупок и обтягивающую большую для ее возраста грудь.

Но, видимо, сегодня на улице было прохладнее, чем вчера, потому что поверх маечки на Юле была легкая расстегнутая куртка. Бред какой-то – надевать майку, которая больше оголяет, чем прикрывает, и пытаться скомпенсировать ее курткой.

«Дурак ты. Как был дураком, так и остался».

– Раздевайся и проходи, – я махнул рукой.

– Что, прямо сейчас? – вспыхнула Юля и залилась краской пуще прежнего. – А мы не опоздаем?

– Хм… – я поднял бровь, не зная, что и сказать. – Тогда… Короче, я сейчас. Подожди тут.

«Эй, Серж…»

Ни слова! Ни единого слова, богиня!

«Какие мы нежные…»

Я оделся, схватил собранный еще с вечера пакет с вещами и луком, в другую руку взял тубус со стрелами и вышел в коридор.

Юля все еще стояла там, будто даже не сдвинулась с места, и все так же смотрела куда-то в угол.

– Я готов, – произнес я, обуваясь.

– И я, – тихо сказала Юля. – Нас там… такси ждет.

– Тогда идем.

В такси Юля села так далеко от меня, как только ей удалось отодвинуться, практически вжалась в дверь, и всю дорогу смотрела в окно, не произнося ни слова. Не то чтобы меня это не устраивало, просто… это было немного странно для нее.

Через двадцать минут мы оказались на вокзале. Зашли в здание самого вокзала, прошли его насквозь, спустились в какой-то подземный переход и вышли на большую бетонную платформу, спрятанную под двускатной крышей из гофрированного металла. Здесь нас должен был ждать поезд.

Но вместо поезда на рельсах стоял стальной монстр.

Огромный угловатый серый корпус, собранный из толстых стальных плит с выдающимся вперед острым отвалом, буквально скребущим по рельсам, с колесами, прикрытыми листами толстой брони, поезд напоминал скорее какого-то циклопического железного носорога, нежели транспортное средство. Весь локомотив, и особенно его передняя часть с ножом отвала, был забрызган чем-то черным, будто поезд на полном ходу таранил бочки с нефтью, но я готов биться об заклад, что это не нефть. Форма локомотива и его бронирование совершенно непрозрачно намекали на то, что он создан для того, чтобы таранить вообще все, что попадется ему на пути. И всех. И никогда не тормозить, кроме как на станциях.

Кроме локомотива были бронированы и вагоны тоже. Каждый из них представлял собой металлическую коробку со стенками в палец толщиной. Под

потолком видны были узкие смотровые щели, которые кое-где были распахнуты в натуральные окна, но, видимо, это делалось только на стоянках. Вагоны тоже были забрызганы черным, а еще на них местами виднелись свежие следы чего-то острого. Чего-то, что снимало стружку с металла так же легко, как острый нож снимает кожуру с яблока.

– Что с тобой? – удивилась Юля, когда я остановился, разглядывая этот чудесный и одновременно чудовищный механизм, едва ли не открыв рот. – Поездов никогда не видел?

Я усилием воли закрыл рот, сглотнул и покачал головой, не беспокоясь о том, что могу сейчас выглядеть глупо. Сейчас можно.

– Ну тогда смотри, это поезд, – улыбнулась Юля. – Единственный более или менее безопасный способ передвижения между городами. Ну, не считая самолетов, конечно. Но они нам не по карману.

Я открыл было рот, чтобы задать вопрос, но тут же его закрыл. Ответ всплыл из глубин памяти сам собой. Потому что дарги. И черные брызги на всем поезде – это, скорее всего, их кровь. Интересно, кто они такие, эти дарги? Как они выглядят хотя бы? Что они собой представляют, если для того, чтобы прорваться сквозь них, необходимо строить таких жутких монстров?!

«Лучше бы тебе не знать».

– Ну что, насмотрелся? Идем? – с улыбкой спросила Юля.

Я кивнул и последовал за ней, не сводя взгляда с проплывающего мимо поезда и отмечая все новые и новые царапины на металле.

Возле какого-то вагона Юля остановилась, обернулась и махнула рукой:

– Закидывай вещи.

Я заглянул в открытый дверной проем – там оказалась невысокая, в две ступеньки, вертикальная лестница, переходящая в металлический пол, так что вещи натурально пришлось бы закидывать. Так я и поступил – кинул внутрь

сначала свой пакет, потом чемодан Юли, который она волокла за собой на колесиках.

– Я первая, у меня билеты, – предупредила Юля, уцепилась за поручень и полезла по лестнице наверх.

На второй ступеньке ее нога внезапно сорвалась, и она с воплем полетела вниз!

Я среагировал моментально – протянул руки и подставил их под единственное, что мог более или менее надежно зафиксировать. Под ее задницу. Левая рука соскользнула и попала Юле между ног. В мокрое…

Хм, а девочка белья-то не носит, оказывается.

Я поднял взгляд на цепляющуюся за поручень Юлю, которая сучила ногами, пытаясь нащупать ступеньку. Наконец ей это удалось, и она стрелой влетела в вагон, даже не обернувшись и не сказав спасибо.

Хотя, наверное, вместо «спасибо» из нее сейчас опять полилось бы только бессвязное блеяние.

Пожав плечами, я схватился за поручень и легко запрыгнул внутрь стального монстра. Подобрал свои пакеты и пошел искать, куда же делась Юля.

Вагон оказался разделен на небольшие комнатки, каждая на два места. В каждой – две откидные койки вдоль стен, окно, которое можно открывать вниз, а можно закрывать до крошечной щели под самым потолком, едва пропускающей свет, откидной столик под окном, точно между кроватями – вот и все убранство. Аскетично и просто.

В комнатках сидели люди – где по двое, а где и один. У некоторых на столиках уже была расставлена какая-то снедь, а в паре мест даже и бутылки явно с чем-то горячительным. Выглядело все это как какой-то ритуал: вроде как едешь в поезде – значит, обязательно надо пожрать. А если еще и выпьешь, то вообще все пройдет как по маслу.

Юля нашлась в седьмой по счету комнатке. Она уже сидела на койке и ногами упихивала под нее один из чемоданов, не глядя на меня. Щеки девушки ожидаемо были краснее спелой вишни.

Я усмехнулся и вытащил из своего пакета коробку с новым телефоном, помахав ею в воздухе:

– Ты обещала мне помочь настроить его. Помнишь?

– Помню, – буркнула девушка и особенно сильно пнула чемодан, отчего тот наконец залетел под койку.

– Тогда давай приступим, – улыбнулся я, садясь на своей койке, кладя коробку с телефоном на тумбочку и открывая ее.

Юля скосилась на меня, но ничего не сказала. Вместо этого она встала и пересела на мою койку, чтобы было удобнее смотреть, что я делаю.

За следующие полчаса я под ее руководством переставил сим-карту в телефон, зачем-то перенес контакты совершенно незнакомых мне людей в память, настроил мелодию звонка, скачал несколько приложений и сделал еще кучу каких-то непонятных действий. За эти полчаса к нам успела заглянуть дородная тетка в темно-синей форме, состоящей из юбки и кителя, и проверить наши билеты, после чего непонятно почему веселым тоном пожелала нам счастливого пути и вышла, закрыв за собой сдвигающуюся в сторону дверь из такого же толстого металла, как и сами стенки вагона.

Буквально сразу же после этого поезд тронулся. Громыхнули вагоны, стронувшись с места один за другим, платформа за открытым окном медленно покатилась прочь, над головой раздался надтреснутый механический голос:

– Уважаемые пассажиры! Наш поезд пришел в движение, экипаж и гарнизон поезда убедительно просят вас закрыть все бронеставни! Это необходимо для вашей же безопасности!

Юля поднялась с койки, попыталась дотянуться до какой-то ручки сверху окна, но не смогла. Тогда она залезла коленками на стол и принялась крутить эту

ручку. Снизу окна медленно поползла вверх стальная панель, пряча нас от внешнего мира.

Но я туда даже не смотрел. Меня больше интересовали выглядывающие из-под юбки Юли края чулок. Готов об заклад биться, что она специально так выгнулась, чтобы юбка немного сползла наверх и открыла их. Ведь когда она залезала на стол, их видно не было!

Закончив с окном, девушка слезла со стола и снова села рядом – тыкать в телефон и указывать мне, что делать. Я легко притворялся валенком, выезжая на том, что у меня такого «девайса» никогда не было, и активно впитывал новые знания о мессенджерах, электронной почте, социальных сетях и обо всем прочем, чем живет здешняя молодежь.

Так прошло еще часа полтора-два. Аккумулятор у телефона уже изрядно подсел, и Юля велела поставить его на зарядку, благо в купе были и розетки. Пока я возился с проводами, Юля встала и как следует потянулась, подняв руки вверх и отставив аппетитную задницу.

– Какие же неудобные здесь койки! – пожаловалась она. – Вся задница квадратная!

Я хмыкнул и только хотел было пошло пошутить, но тут внезапно поезд сильно тряхнуло!

Юля ойкнула, покачнулась и полетела прямо на меня.

Я вытянул вперед руки, ловя ее, но удержать не смог – пришлось тоже повалиться на койку и прижать ее к себе, чтобы она не растянулась на полу.

Левая рука сжалась на майке в районе груди. Здесь белья Юля тоже не носила.

Хм… Или она его не носит только сегодня?

Я легонько сжал грудь ладонью, изо рта Юли вырвался тихий стон. Я сжал пальцами сосок через ткань и легонько потянул, вместе с ним вытягивая из девушки еще один протяжный выдох:

– Се-е-ерж…

Поезд снова тряхнуло, Юлю дернуло в моих руках, прижимая ко мне еще сильнее. Я отпустил сосок и задрал короткую майку Юли, выпуская ее грудь на волю. Схватил, сжал так, что кожа выступила буграми между пальцами.

– Да-а-а… – прошептала Юля, выгибаясь дугой, прижимаясь ко мне бедрами.

Я отпустил грудь и запустил руку под юбку – там было мокро и горячо. Юля сама раздвинула ноги, чтобы мне было удобнее, придвинулась ближе.

– Да, Серж… Да, возьми меня… – шептала она. Ее руки в этот момент хозяйничали над моей ширинкой, но все никак не могли с ней справиться.

Я уже почти запустил пальцы в нее…

И поезд снова тряхнуло!

Что-то заскрежетало, засвистело, где-то грохнуло!

Еще один толчок!

Лампа под потолком тревожно заморгала, откуда-то из соседних купе послышался крик.

Толчок!

Нас с Юлей сбросило с койки, швырнуло через все купе, больно приложив о противоположную стену!

Удар!

Вагон качнулся и завалился на бок, нас снова швырнуло в стену, я кое-как уцепился ногами и одной рукой за спинку койки, второй рукой прижимая к себе девушку

– Уважаемые пассажиры! – раздалось под потолком. – Убедительная просьба – воздержаться от паники. Ситуация штатхр-р-р-рш-ш-ш… – Говоривший захлебнулся словами, будто ему глотку разорвали, динамик под потолком противно заскрипел и затих.

И тут же погас свет.

Глава 6

В осаде

Вагон наконец дрогнул в последний раз и остановился. За стеной купе кто-то протяжно стонал, за другой – грязно ругались. Сквозь узкую щель окна пробивались редкие лучи солнца, скорее сгущая тьму внутри вагона, нежели хоть чуть-чуть разгоняя ее. В тонких полосках света танцевали поднятые падением и переворотами пылинки.

Я аккуратно по очереди напряг мышцы рук и ног, убедился, что кости целы и конечности шевелятся. Это хорошие новости, просто отличные новости. Судя по стонам за стеной, не всем так повезло. А кому-то, возможно, не повезло настолько, что даже стонать уже не получается.

Богиня, что случилось?

«Поезд сошел с рельсов и перевернулся, судя по всему».

А почему? Что было причиной?

«Откуда же мне знать?»

В каком смысле? Разве ты не богиня этого мира? Разве ты не знаешь всего, что здесь происходит?

«Нет, это так не работает. Я знаю общие постулаты и тезисы существования этого мира, знаю его историю, его политический строй и прочие глобальные вещи… Но это не значит, что я ежесекундно слежу за всем, что происходит на поверхности всей планеты! Что я сижу в голове у каждого человека, так же как у тебя! Зачем мне это?!»

Действительно, я бы тоже не стал. Ладно, вопрос снимается.

В руках у меня зашевелилась и тихо запищала Юля.

– Ударилась? – спросил я куда-то в темноту, надеюсь, что хотя бы в ее сторону.

– Угу, – хныкнула Юля. – Нога… Больно.

– Сейчас.

Я нащупал ногу девушки и повел ладонью вдоль нее в поисках травмы. Нашел – ступня, с которой сорвало ботинок, сильно опухла, и, когда я ее коснулся, Юля пискнула. Наверное, чем-то прилетело в ногу или ударилась, когда мы кувыркались. Может, вывих, а может, даже и перелом. В любом случае, на своих двоих она прямо сейчас идти не сможет.

– Не видно ни хрена, – вздохнул я. – Сейчас окно открою.

– Нет! – со страхом в голосе вскрикнула Юля, цепляясь за меня и не позволяя подняться. – Только не окно! Не открывай!

– Это еще почему? – не понял.

– В смысле «почему»?! Потому что дарги!

– Дарги? – не поверил я. – Вот прямо снаружи?

– А с чего бы еще поезду сойти с рельсов?! – снова захныкала Юля. – Конечно, это дарги! Я слышала, они иногда сносят поезда с рельсов, раскачивая вагоны ударами с разных сторон!

– На хрена?! – не унимался я.

– Чтобы сожрать всех, кто внутри, конечно!

Где-то за стеной раздался приглушенный хлопок, потом еще один, и громкие команды.

– Будь тут, – велел я, и принялся пробираться к окну.

Вагон лежал вверх тормашками, так что все поменялось местами, и щель, которая должна была быть под потолком, теперь оказалась на уровне колен. Пробираясь на ощупь и ежесекундно натыкаясь на разные предметы, я кое-как добрался до щели и приник к ней, пытаясь рассмотреть, что творится снаружи.

Конечно, с такого ракурса хрен чего увидишь. Перед глазами колыхалась чахлая, жухлая желтая трава, растущая из растрескавшейся высохшей земли, и больше ничего. Я посмотрел налево, направо, но и там была одна лишь трава. Я уже собрался было бросить это бессмысленное занятие, как вдруг прямо перед смотровой щелью сверху на траву опустилась мощная лапа.

Она была будто бы свита из веревок-мышц, поверх которых накинута кожа, а потом натянули ее, как завязки в корсете дамы-пышки. Будто это даже не кожа, а натуральные фасции, только притворяющиеся мышцами! Каждый мускул, каждое мышечное волокно непривычного коричневого цвета можно было рассмотреть во всех анатомических подробностях! Живое наглядное пособие для художников или анатомов!

И эта лапа толщиной с мою ногу опиралась на такую же обескоженную, обожженную ладонь с четырьмя пальцами, каждый из которых заканчивался когтем длиной с палец. Когти были черными, как сам антрацит, и совершенно не отражали солнце.

Лапа мелькнула перед окном в быстром шаге и снова исчезла из вида. Следом появилась еще одна, и полностью повторила движение первой.

Впрочем, и ладно. Пусть себе идут. Мне хватило.

– У тебя телефон далеко? – спросил я у Юли.

– Нет, рядом, – ответила она. – А что?

– Включи фонарик!

Девушка не стала задавать глупых вопросов, и через секунду вспыхнул яркий луч света, разрезающий темноту купе. Отобрав у нее телефон, я принялся шариться по купе, пока не нашел то, что искал – свой пакет с вещами, который закинуло в угол.

– Ты что надумал? – опасливо спросила Юля из темноты.

Я не ответил. Я был занят. В моих зубах был зажат ее телефон, направленный фонариком вниз, на руки.

А руки уже стыковали плечи лука с рукоятью.

Щелк, щелк! – и они заняли свое место. Еще несколько секунд – натянуть через бедро тетиву. Крышку с тубуса со стрелами долой, а сам тубус можно повесить на ремешок для переноски за плечо. Хреновая идея таскать колчан за плечом, тем более такой убогий, но за неимением герцогини, как говорится…

– Ты что надумал? – пуще прежнего занервничала Юля. – Зачем тебе лук?!

– На случай, если это нечто полезет к нам, – я мотнул головой. – На всякий случай.

– Только не вздумай лезть наружу! По инструкции в такой ситуации мы должны оставаться на своих местах и ждать спасательную команду! Слышишь меня?!

– Конечно же не полезу, – заверил я ее, не сводя взгляда с двери купе, на которую случайно упал свет от фонарика.

Между дверью и стеной явственно виднелась щель. Тяжелый металлический замок с ручкой, за которую предполагалось ее открывать, был вырван из двери с корнем и просто отсутствовал на своем месте. Вероятнее всего, пока вагон

падал, по нему чем-то серьезно прилетело, и, судя по тому, что в нашем купе ничего, что могло бы причинить такие повреждения, не имелось, удар был снаружи.

Вот же зараза, а…

Богиня, а эти дарги, они… разумны?

«Сложно сказать, никто так и не докопался до истины. Принято считать, что у них коллективный разум, вроде как у муравьев или пчел, а как на самом деле – никто и не знает».

А они вообще насколько опасны?

«Как думаешь сам? Если для того, чтобы путешествовать через земли даргов, необходимы настолько бронированные поезда? Которые они все равно способны сбросить с рельсов?..»

Зря я задал этот вопрос.

А дарги – это, как я понимаю, хозяева тех самых лап, что я видел?

«Соображаешь».

Час от часу не легче…

Внезапно под потолком заморгал и снова зажегся свет, вынудив меня прикрыть глаза рукой.

И тут же за стеной раздались душераздирающие вопли и рычание каких-то огромных тварей!

Раздалось несколько хлопков, а потом их заглушил хруст костей и раздираемой плоти.

Твою мать! Твою мать, твою мать! Какой тут на хрен оставаться на своих местах?! Если мы останемся на своем месте, нас сожрут здесь, как консерву из человечины! Причем даже уже открытую!

Не знаю, кто такие эти дарги и что им нужно от людей… И знать не хочу!

Поэтому надо скорее выбираться отсюда! Хотя бы в другое купе, которое будет закрываться!

Я подошел к двери и прижался к ней, выглядывая наружу сначала одним глазом в одну сторону, потом другим – в другую.

– Ты что делаешь? – снова заволновалась Юля.

Я, не оборачиваясь, вскинул руку, призывая ее к молчанию.

Снаружи ни хрена не было видно, только крошечный кусочек вагонного коридора по полу, а вернее, по потолку, который превратился в пол, медленно ползла кровавая лужа. Никакого топота, грохота или звуков борьбы слышно больше не было. Я откатил дверь в сторону и высунул наружу голову, быстро стрельнув глазами направо и налево.

И едва успел отдернуть голову от взмаха тяжелой когтистой лапищи!

Проклятая тварь поджидала меня за дверью и едва не снесла мне башку одним махом своей громадной лапы!

Я отшатнулся назад, в купе, лапа потянулась за мной, и я сделал единственное, что мне оставалось, – со всей силы потянул тяжеленную дверь в сторону и шарахнул ею по лапе!

Дарт за стеной взревел, его лапа скрючилась, словно он пытался ухватить меня, а потом резко дернулась. Стальную дверь выгнуло и перекосило в направляющих, да так, что откатить ее в сторону уже не выйдет!

Дарг снова просунул жилистую мускулистую лапу в купе по самое плечо и принялся махать ею, пытаясь достать до нас. Несколько раз упирался в дверь,

пытаясь то продавить ее, то, наоборот, вырвать наружу, но она так и не поддавалась, и тварь недовольно рычала.

Юля тонко заскулила на своем месте. Я кинул на нее короткий взгляд – девушка отползла в угол и забилась в него, обняв коленки и выглядывая из-за них, как будто из домика. В ее глазах не было ничего, кроме страха, и она сейчас явно была способна только бояться. Лишь бы не ударилась в окончательную панику и не попыталась побежать прямо в пасть твари.

В щели между дверью и стеной несколько раз мелькнула смазанная морда твари с горящими желтым пламенем глазами. Дарг на секунду приникал к щели то одним, то другим глазом, на мгновение замирая, будто оценивая расстояние до нас.

И тогда я понял, что нужно делать.

Стрела уже давно лежала на тетиве, и теперь я лишь поднял и растянул на выдохе лук, ловя на наконечник стрелы мелькающую в узкой щели голову Все суставы моих рук уплотнились и уперлись в суставные сумки, формируя прочный скелетный каркас, равномерно распределяющий нагрузку от растянутого лука, позволяющий держать его в натяге долго. Очень долго. Столько, сколько понадобится для того, чтобы уловить короткий миг, когда на одной линии окажутся наконечник стрелы и желтый…

Глаз!

Щелк!

Впопыхах я дернул тетиву на спуске, она хлопнула мне по внутренней стороне левого предплечья, заставив скривиться от боли, но зато я попал! Стрела вонзилась в желтый глаз монстра, и он еще громче зарычал и забился за дверью, заставляя ее ходить ходуном! Стальной лист грохотал и бился в направляющих, но каждое движение лишь перекашивало его еще больше, а шансов добраться до нас становилось все меньше!

Поняв это, дарг бросил бесплодные попытки и снова попытался достать до нас лапой – уже другой, прижимаясь к двери другим плечом и заглядывая другим глазом.

Его я тоже выбил. На этот раз даже без щелчка по руке – просто встал в стойку, выдохнул, растянулся и позволил луку сделать свое дело в нужный момент.

Янтарный глаз лопнул, ослепший дарг окончательно остервенел! Он просунул в щель двери обе лапы, ухватился за нее и принялся рвать, драть ее на себя, пытаясь выломать! С каждым чудовищным рывком дверь сгибалась все сильнее и после третьего или четвертого рывка сдалась и вылетела-таки наружу! Раздался жуткий грохот, когда дверь впечаталась в бронированную стенку напротив, и из-за него ослепший дарг, из головы которого торчали две стрелы с красно-белым оперением, полностью потерял ориентацию в пространстве и замер. А я получил возможность рассмотреть его.

Дарг оказался четвероногой тварью, похожей на освежеванную гориллу. Из-за того, что он опирался на четыре конечности, по высоте он был ниже человека, но если бы он выпрямился, то стал бы выше меня на три, а то и больше, головы. Сходства с гориллой добавляло еще и то, что передние конечности были у дарга длиннее, чем задние, и толще. Создавалось впечатление, что когда природа создавала этих тварей, она сделала так, что именно передние конечности стали основными как для движения, так и для жизни организма в целом, а задние – лишь вспомогательными. Хотя и задние лапы были такими же, как передние: чистой мышечной массой, свитой в мощные пучки и обтянутой тончайшим подобием кожи. Все для максимально быстрого сокращения. Все для максимальной скорости, максимальной силы.

Остальное тело дарга было ему под стать – кожи на нем не было нигде, только сплошные коричневые мышцы. Кое-где в витках мышц даже проглядывала кость, и особенно большой участок белел прямо на лбу дарга – ровным ромбом размером примерно с ладонь. Словно кто-то взял и вырезал острым ножом этот ромб в коричневой тонкой коже, выскоблил кость добела, а потом каким-то образом сделал так, что все это зажило и даже крови не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leks_el/strelomant

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить